

Источник: Юлий Цезарь. Перевод П. Козлова. С предисловием Л. Шестова // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 3. С. 146-210.

Вильямъ Шекспиръ

Юлій Цезарь

Трагедія въ пяти актахъ

Переводъ съ англійскаго П. Козлова

146

1601 годъ былъ роковымъ для Шекспира. Что случилось съ великимъ поэтомъ – мы точно не знаемъ. Разные изслѣдователи высказываютъ различныя догадки. Одни полагаютъ, что на него сильно повліялъ судебный процессъ и осужденіе его высокихъ друзей и покровителей Эссекса и Соутгамптона, нелѣпо задумавшихъ и еще болѣе нелѣпо пытавшихся осуществить планъ сверженія съ престола королевы Елизаветы; другіе говорятъ о несчастной страсти къ «черной дамѣ», воспѣтой въ сонетахъ; третьи приурочиваютъ къ этому времени смерть отца Шекспира и т. д.

Каждой изъ этихъ догадокъ можно давать больше или меньше вѣры – это дѣло склонности ума и рѣшительности въ сужденіяхъ; но одно – несомнѣнно: въ жизни Шекспира произошло какое то страшное, потрясшее все его существо, событіе – и съ 1601 года онъ становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Соотвѣтственно тому и творчество его принимаетъ иной характеръ. Еще недавно написалъ онъ комедію «Двѣнадцатая ночь», гдѣ такъ много искренняго, веселаго и безпечнаго смѣха и, почти непосредственно вслѣдъ за ней онъ пишетъ «Юлія Цезаря», въ которомъ ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не смѣетъ даже на мгновеніе улыбнуться и «Гамлета», гдѣ смѣется лишь самъ Гамлетъ, но такъ смѣется, что не знаешь, чему больше ужасаться, - его смѣху или его безумнымъ рыданіямъ.

«Юлій Цезарь» и «Гамлетъ», такъ мало по сюжету и внѣшней обстановкѣ другъ на друга похожіе, написаны на одну тѣму, которая выражается восклицаніемъ принца,

147

не совсѣмъ точно, но тѣмъ не менѣе очень удачно переданнымъ русскимъ переводчикомъ въ извѣстныхъ словахъ: «пала связь временъ, зачѣмъ же я связать ее рожденъ». Это значить - прежняя, безсознательная, дающаяся намъ всѣмъ даромъ вѣра въ цѣлесообразность и осмысленность человѣческой жизни рушилась. Нужно сейчасъ-же, *немедленно* найти новую вѣру - иначе жизнь обращается въ непрерывную, невыносимую пытку. Но какъ это сдѣлать? гдѣ найти вѣру? И есть ли такая вѣра на землѣ?

«Юлій Цезарь» первый опытъ безпокойнаго, нетерпѣливаго, лихорадочнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытнаго, боящагося обнаружить себя исканія, когда не столько нуженъ отвѣтъ на вопросъ, сколько отвѣтъ *немедленный*. Шекспиру кажется, что онъ не можетъ больше ждать, что уже всѣ силы истожились, что еще нѣсколько дней, даже часовъ такихъ нечеловѣческихъ мукъ – и онъ обезумѣетъ. Это, разумѣется, ошибка. Человѣкъ выносливѣйшее животное. Отвѣтъ не только не придетъ сейчасъ, но не придетъ и черезъ многіе годы, а Шекспиръ не обезумѣетъ и будетъ жить, жить съ сознаниемъ, что для него все погубило и что всѣ отвѣты, когда либо дававшіеся на гамлетовскій вопросъ – были лишь пустыми словами. Но въ «Юліи Цезарѣ» Шекспиръ боится допустить даже возможность такого предположенія. Онъ напряженно вспоминаетъ все, что когда-либо приходилось ему слышать отъ людей или читать въ книгахъ, въ надеждѣ, что кто либо изъ древнихъ или новыхъ мудрецовъ наставитъ и научитъ его, покажетъ ему, какъ связывается распавшаяся связь временъ... Вѣдь должно же быть гдѣ-нибудь то «слово», которымъ разрѣшаются всѣ его мучительныя сомнѣнія...

Плутархъ, котораго Шекспиръ зналъ въ англійскомъ переводѣ Томаса Норта, казалось былъ лучшимъ совѣтчикомъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Плутархъ прежде всего учитель, моралистъ. У него есть твердые незыблемые принципы, въ основаніи которыхъ лежитъ вѣра въ нравственный міропорядокъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что мораль всевластна и всеильна и что въ сознательномъ подчиненіи долгу смертные могутъ найти достаточное утѣшеніе при какихъ угодно жизненныхъ превратностяхъ. Онъ приверженецъ Платона, и вслѣдъ за нимъ настойчиво проводитъ ту мысль, что можно вынести какую угодно несправедливость, только бы самому не быть несправедливымъ. Правда, мораль Плутарха, какъ и его учителя Платона, не безусловно чиста или, какъ говорятъ теперь въ философіи, не «автономна». Она освящается у него религіей и находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ боговъ. Свой діалогъ о «Позднемъ наказаніи безбожника» Плутархъ, какъ и Платонъ нѣкоторые свои, заканчиваетъ фантастическимъ изображеніемъ загробнаго міра. Несправедливый человѣкъ, въ его представленіи, казнится не только безплотной моралью, но и всемогущими богами. Да и не только въ этомъ сочиненіи - почти во всѣхъ своихъ повѣствованіяхъ Плутархъ, по обычаю древнихъ, замѣшиваетъ небожителей въ человѣческія дѣла. Такому воззрѣнію Шекспиръ, какъ сынъ XVII вѣка и современникъ Бэкона, не могъ, конечно, придавать серьезнаго значенія. Для него плутарховскіе боги имѣли только символическій смыслъ. Онъ, какъ теперь дѣлаемъ мы всѣ, совершенно отдѣлилъ мораль отъ религіи, но тѣмъ не менѣе не

пересталъ ожидать отъ нея чудесъ и не отказался отъ мысли, что этому безплотному богу, какъ и всѣмъ богамъ, можно и должно приносить жертвы - даже жертвы человѣческія...

Эта мысль и составляетъ содержаніе «Юлія Цезаря» - и, само собою, она связана не съ личностью Цезаря, который менѣе всего способенъ своей жизнью оправдать такую идею, а съ личностью его убійцы, благороднаго Брута. Брутъ своимъ поведеніемъ долженъ доказать, что тотъ, кто до конца рѣшится слѣдовать внушеніямъ высокой морали, можетъ не бояться ничего. Въ III-ей сценѣ 4-го дѣйствія Брутъ съ Кассіемъ обмѣниваются слѣдующими, обыкновенно незамѣчаемыми критикой словами:

Брутъ. Кассій, у меня
Такъ много горя!
Кассій. Если предъ бѣдами,
Случайными ты упадаешь духомъ,
Тогда гдѣ-же философія твоя?

Какъ видите, Шекспиръ считаетъ, что у Брута была философія, которая научаетъ смотрѣть въ глаза какому угодно несчастію и мужественно выносить всѣ «случайныя бѣды». Не правда-ли, завидная философія и стоитъ перечестъ не только Плутарха, но и всѣхъ его учителей и какое угодно множество книгъ, чтобъ только добыть это высокое ученіе! Вѣдь «случайныхъ бѣдъ» Брута, о которыхъ говоритъ Кассій, съ избыткомъ хватило бы на цѣлый десятокъ самыхъ добродѣтельныхъ, самыхъ римскихъ

148

мужей. Бѣды Брута начались еще задолго до¹ того времени, какъ онъ рѣшился вступить въ заговоръ противъ Цезаря. Та же «философія», которая, по словамъ Кассія, столь многому можетъ научить человѣка, уже не разъ, все ссылаясь на свои божественныя права, требовала отъ Брута жертвъ. Плутархъ рассказываетъ, что во время борьбы Цезаря съ Помпеемъ, Брутъ принялъ сторону Помпея, убившаго его отца, ибо считалъ его дѣло - правымъ. А какую жизнь велъ бѣдный Брутъ! Онъ не ѣлъ, не пилъ, не спалъ и даже во время походовъ, когда другіе отдыхали и занимались своими частными дѣлами, онъ проводилъ ночи на пролетъ за чтеніемъ разныхъ книгъ, утверждавшихъ его въ вѣрѣ во всемогущество морали!

Когда-же Цезарь, другъ и благодѣтель Брута, явился въ Римъ и сталъ грозить древней свободѣ, мораль только кивнула своему вѣрнопопданному - и онъ все забылъ и сталъ готовиться къ жертвоприношенію, разумѣется человѣческому. Мораль въ этомъ случаѣ куда требовательнѣе, чѣмъ обыкновенные языческіе боги, которые считали себя вполне удовлетворенными какой нибудь овцой или козленкомъ, и только въ рѣдкихъ, особенно торжественныхъ, случаяхъ требовали себѣ сотню быковъ.

---

¹ *Опечатка:* «то того» вместо «до того».

Морали подавай людей, и не одного, а много - и не первого встрѣчнаго, а самое близкое и дорогое тебѣ существо - отца, мать, сына, друга...

Для чего же морали всѣ эти жертвы? Съ такими вопросами можно было обращаться къ богамъ и боги иногда на такіе вопросы отвѣчали, - но мораль стоитъ выше подобныхъ вопросовъ: *Sic volo, sic jubeo - sit pro ratione voluntas*. Шекспиръ это понималъ превосходно, но его критики, къ сожалѣнію, не умѣли или не хотѣли понять этого. Не только современный Брандесъ, но даже и люди старой вѣры (да еще къ тому нѣмцы, слѣдовательно идеалисты *par excellence*), Гервинусъ и Крейссигъ или ихъ довѣрчивый ученикъ французъ Мезьеръ или англичанинъ Hudson, всѣ считаютъ возможнымъ нападать на Брута за его безропотную и смиренную готовность исполнять велѣнія морали. Брута называютъ «мечтателемъ», «непрактическимъ идеалистомъ», «плоскимъ идеалистомъ»²... Зачѣмъ, спрашиваютъ, убилъ онъ Цезаря, когда и слѣпому было видно, что республику уже нельзя спасти и что свобода все равно погибла для Рима!..

Но критики ошиблись въ адресѣ: со своими упреками имъ нужно было обратиться не къ Бруту, и даже не къ Шекспиру, а непосредственно къ самой морали: вѣдь изъ-за нея, только изъ-за нея кроткій по своей природѣ Брутъ пустился на злодѣйскія дѣла. Вслушайтесь хоть немного въ его монологи, присмотритесь хоть поверхностно къ его поступкамъ, наконецъ, если для васъ труденъ Шекспиръ, прочтите популярнаго Плутарха и вы убѣдитесь, что если Брутъ и предпринималъ что-либо, то не изъ личныхъ эгоистическихъ побужденій, а единственно во исполненіе велѣній долга. Кантъ могъ бы быть имъ вполне доволенъ: все время онъ, совсѣмъ какъ того требуетъ автономная мораль, поступалъ *вопреки* своимъ симпатіямъ и желаніямъ. Цезарь былъ его другомъ и благодѣтелемъ, онъ любилъ Цезаря, какъ родного отца - и онъ же убилъ Цезаря. Кассій только намекнулъ ему, что *нужно* дѣйствовать, и Брутъ уже готовъ на все. «Что ты хочешь сообщить мнѣ», спрашиваетъ онъ своего друга -

Если это

Ко благу клонится народъ - пусть

И честь и смерть возстанутъ предо мною,

Я глазъ своихъ не отвращу отъ нихъ.

И это не фразы! Брута ждали ужаснѣйшія испытанія, но онъ не бросилъ своего дѣла. Отъ него никто не слышалъ даже жалобъ. Жаловаться - значило бы не довѣрять морали, пожалуй обвинять ее. А ее нужно уважать: такъ учить до сихъ поръ наша этика и ея геніальный обоснователь Кантъ. Брутъ обязанъ считать свой жребій счастливымъ! сама мораль сдѣлала его своимъ избранникомъ! Тутъ нужно торжествовать: вѣдь высшее «абсолютное» благо - это приносить въ жертву высокой нравственности себя и другихъ.

И не ради какихъ нибудь цѣлей: всякая цѣль должна быть безусловно исключена, иначе въ чистое дѣло морали привносится - страшно сказать - эвдаимонистическій элементъ - и вся «автономія» оказывается пустымъ звукомъ. Предъ Брутомъ и Шекспиромъ стоитъ незапятнанная идея долга во всей своей голубиной чистотѣ - и ей, этой идеѣ, они приносятъ жертвы: они, ибо (и этого

² Опечатка: отсутствует знак открывающихся кавычек.

нельзя ни на минуту упускать изъ виду, если хочешь понять «Юлія Цезаря») Шекспиръ дѣлаетъ то же, что и Брутъ - складываетъ предъ алтаремъ морали *все*, что ему было дорого, *все*, что у него было лучшаго на землѣ.

149

И какихъ ужасныхъ жертвъ у нихъ потребовали! У Шекспира Порція говоритъ Бруту:

Если бы могла твоя забота
Такъ дѣйствовать на тѣло, какъ на душу,
Мнѣ-бъ не узнать тебя!

То же можно о самомъ Шекспирѣ сказать: еслибъ за тотъ короткій промежутокъ времени, который отдѣляетъ его послѣднюю комедію отъ первой трагедіи его наружность измѣнилась такъ, какъ измѣнилась его душа – самые близкіе люди отказались бы узнать его. Но онъ, какъ и его Брутъ, въ рассказѣ Плутарха, «въ общественныхъ мѣстахъ старается держаться спокойно» и никто не хочетъ догадаться, какія мысли занимали поэта, когда онъ писалъ «Юлія Цезаря». Одни, какъ Свинбернъ, толкуютъ, что Шекспиръ хотѣлъ возвеличить республику, другіе приписываютъ Шекспиру желаніе доказать ту великую истину, что въ политикѣ слѣдуетъ держаться тѣхъ-же принциповъ, которыми люди довольствуются въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Но объ этомъ вѣдь писали многіе – и выходили ученые трактаты, а не трагедіи. Когда Шекспиръ былъ занятъ «Юліемъ Цезаремъ», ему, очевидно, было не до республики и не до политики. Изъ своего Плутарха, которому онъ такъ довѣрялъ и во всемъ слѣдовалъ, и онъ могъ безъ труда понять, что республика была обречена на гибель не Цезаремъ, а ходомъ историческихъ событий. Описывая подробно римскую жизнь этой эпохи, Плутархъ говоритъ: «толпа не расходилась часто до тѣхъ поръ, пока ораторская трибуна не покрывалась трупами и не заливалась кровью, и, такимъ образомъ, Римъ, какъ корабль безъ кормчаго, былъ преданъ всѣмъ ужасамъ анархіи. Поэтому самые *благоразумные граждане считали еще счастьемъ, если вся эта безумная сумятица не приведетъ ни къ чему худшему, чѣмъ монархія*, и многіе осмѣливались уже открыто говорить, что государственные недуги могутъ быть исцѣлены только монархическимъ правленіемъ и что для этого лѣченія слѣдуетъ избрать наиболѣе снисходительнаго врача, – чѣмъ они намекали на Помпея»¹. Уже одного этого замѣчанія было бы достаточно для Шекспира, чтобы оставить свои республиканскія симпатіи, если у него таковыя были, или во всякомъ случаѣ попридержать ихъ до времени. Но онъ шелъ къ Плутарху не за историческими уроками, которыхъ у него было и безъ того достаточно, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ его хроники, не имѣющія себѣ равныхъ во всемирной литературѣ. Ему нужно было найти въ жизни нѣчто такое, предъ чѣмъ могъ бы склониться каждый – и слабый и сильный, и правый и виноватый, и счастливый и несчастный; ему нужно было высшее начало въ жизни, которое могло бы въ минуты отчаянія и безнадежности поддержать падающаго человѣка. Отъ него требовали жертвы и онъ хотѣлъ знать, кому онъ ее приносить... Развѣ при этомъ можно думать о политикѣ, о формахъ правленія, о нуждахъ отдаленнаго Рима?! Шекспиръ прочелъ у Плутарха, что благородный, честный, безкорыстный Брутъ

убилъ своего лучшаго друга и затѣмъ принужденъ былъ положить конецъ своей жизни самоубійствомъ. Какъ оправдать Брута, какъ убѣдить себя, что въ своемъ несчастіи и своихъ неудачахъ Брутъ былъ выше, правѣе, достойнѣе счастливаго, удачливаго Цезаря? Вѣдь намѣренія Брута были чисты, а чистота намѣреній оправдываетъ все. Или это – неправда? *Чистота намѣреній не оправдываетъ?* Плутархъ и философія лгутъ? Шекспиръ, когда писалъ «Юлія Цезаря», не смѣлъ думать, что здѣсь возможенъ обманъ. Нравственность права и жрецы ея правы: абсолютное благо не у Цезарей, а у Брутовъ. Нужно только быть послѣдовательнымъ, нужно только вѣрить высокимъ завѣтамъ, нужно не бояться жертвъ – все остальное приложится и претерпѣвшій до конца спасется.

Этимъ и объясняется «прямолинейность» Брута, возбуждающая въ критикахъ столько неудовольствія. Для Шекспира на одной чашкѣ вѣсовъ лежала человѣческая жизнь - на другой требованія высокой морали, и онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, чтобъ перетянула вторая. Когда бы и зачѣмъ бы нравственность ни позвала Брута - онъ всегда готовъ отозваться на ея призывъ. Другіе участники заговора руководятся посторонними соображеніями - честолюбіемъ, ненавистью къ Цезарю и т. д. Бруту-же, какъ рассказываетъ Плутархъ, «даже и враги не приписывали такихъ намѣреній». Къ убійству онъ питаетъ отвращеніе; онъ не выноситъ даже лжи и притворства, которыхъ требуетъ характеръ предпринятаго дѣла. Онъ хотѣлъ бы дѣйствовать прямо и открыто, онъ хотѣлъ бы избѣгнуть пролитія крови. Но долгъ требуетъ, -

150

и онъ безропотно повинуется. Онъ говоритъ, обращаясь къ Кассію и заговорщикамъ:

Не будемъ мы, Кай Кассій, мясниками,
Мы Цезаря лишь въ *жертву* принесемъ,
Противъ его мы духа возстаемъ,
А духъ людей вѣдь не имѣетъ крови.
О, если бы, его не убивая,
Могли его мы духомъ овладѣть!
Но онъ - увы! За этотъ духъ страдая,
Кровавой смертью долженъ умереть.
Убьемъ его мы смѣло, но безъ гнѣва,
Какъ *жертву*, приносимую богамъ...

Бруту нельзя ни одну секунду дѣйствовать по тѣмъ побужденіямъ, по которымъ обыкновенно дѣйствуютъ люди. Ему нельзя ни сердиться, ни радоваться, онъ не вправѣ ни бояться, ни желать. Онъ долженъ повиноваться, онъ священнодѣйствуетъ, онъ приноситъ жертвы. У Фихте есть удивительныя слова, - удивительныя тѣмъ, что они необыкновенно отчетливо характеризуютъ «желательныя» отношенія человѣка къ идеалу. «Я призванъ, говоритъ онъ, свидѣтельствовать объ истинѣ; моя судьба, моя жизнь ничего не значить; дѣло моей жизни значить безконечно много. Я жрецъ истины, я наемникъ ея, я обязанъ для нея все дѣлать, на все дерзать, все вынести». Замѣните въ этой краснорѣчивой

фразѣ слово «истина» словомъ «нравственность» и вы получите profession de foi Брута. И онъ жрецъ, и онъ наемникъ, и онъ обязался на все дерзать, все вынести ради своего идеала. Но ни въ одномъ изъ монологовъ Брута нѣтъ того радостнаго, торжествующаго стремительнаго паѳоса, которымъ одушевлена рѣчь Фихте.

Наоборотъ, отъ словъ Брута вѣетъ какой-то странной, мрачноватой подавленностью. Онъ не можетъ говорить свободно, словно предчувствуя, что его вѣра, ради которой онъ дерзнетъ дѣйствительно на все, обманетъ его. И его предчувствія сбылись. Фихтевская философія, почерпнутая Шекспиромъ у Плутарха, тоже представляющаго изъ себя огромные залежи de la rature de grandes âmes, оказалась лишь книжной мудростью, которую нужно отвергнуть въ критическую минуту жизни. Краснорѣчивыя слова объ истинѣ, добрѣ и красотѣ способны наэлектризовать толпу въ ярко освѣщенныхъ залахъ - и здѣсь они умѣстны, здѣсь они заставляютъ биться восторгомъ тысячи молодыхъ сердецъ. Но Шекспиру они не дадутъ, не могутъ дать ничего. «Есть многое на небѣ и на землѣ, что не снилось учености» ученѣйшихъ. Объ этомъ Шекспиръ говоритъ уже въ «Гамлетѣ», написанномъ почти одновременно съ «Юліемъ Цезаремъ». Въ «Гамлетѣ» нѣтъ даже попытки разрѣшать жизненную трагедію традиціонной моралью. Плутархъ и всѣ учителя мудрости отвергнуты. Гамлетъ столкнулся съ духомъ, пришельцемъ изъ иныхъ странъ, и всѣ прежнія вѣрованія, убѣжденія, идеалы показали ему дѣтскими измышленіями. Первою мыслью Гамлета послѣ бесѣды съ духомъ было:

...Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ,
Пока есть память въ черепѣ моемъ!
Мнѣ помнить? Да съ страницъ воспоминанья
*Всѣ пошлые рассказы я сотру,
Всѣ изрѣченья книгъ, всѣ впечатлѣнья,
Минувшаго слѣды, плоды разсудка
И наблюденій юности моей.*
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть въ книгѣ сердца моего живутъ
Безъ примѣси другихъ, ничтожныхъ словъ.

Книги не годятся, плоды разсудка выбрасываются за бортъ. Все, кромѣ того, что слышалъ Гамлетъ отъ духа, кажется «ничтожными словами». Ни краснорѣчіе Фихте, ни научно обоснованная, автономная мораль Канта не могутъ отогнать страшное видѣніе, посѣтившее бѣднаго принца.

А вѣдь «духъ» въ Гамлетѣ не есть плодъ разстроенаго воображенія. И самъ Гамлетъ и Шекспиръ отлично знаютъ, что «иной миръ» навсегда закрытъ для насъ: «страна безвѣстная, откуда путникъ не возвращался къ намъ». Въ наше просвѣщенное время оттуда утѣшенія не приходятъ. Въ этомъ смыслѣ мы всѣ позитивисты до мозга костей - и не только не придаемъ значенія чужимъ рассказамъ о такого рода чудесахъ, но даже отказались бы вѣрить свидѣтельству своихъ собственныхъ чувствъ, какъ бы осязательно оно ни было. Но мы позитивисты лишь на половину. Мы не принимаемъ духовъ, когда они являются къ намъ со словами помощи и ободренія - и отсылаемъ ихъ прочь, какъ

обманчивую иллюзію, какъ галлюцинацію. Но когда къ намъ, какъ къ Гамлету, являются тѣни, чтобъ пытать насъ - мы ни на минуту не сомнѣваемся въ ихъ реальности; наши ученые заклинанія беспомощны и безсильны... Никто изъ критиковъ ни разу ни обвинилъ

151

Шекспира въ томъ, что онъ позволилъ себѣ внести въ реалистическую трагедію такой нелѣпый вымыселъ, какъ явленіе духа. Должно быть, мы чувствуемъ, что наша наука только отчасти справилась съ суевѣріемъ старины. Она уничтожила рай, но адъ принуждена была сохранить, да еще перевести его поближе къ намъ, сюда *на землю*, изъ потусторонняго въ посюсторонній міръ.

Это основной мотивъ всѣхъ трагедій Шекспира. Въ «Юліѣ Цезарѣ», онъ еще не вполне явственно слышенъ, такъ какъ поэтъ все старается увѣрить себя, что Брутъ, поступивъ въ наемники къ морали, попалъ въ рай, а не въ адъ. Брутъ упорно стремится побѣдить усиліями разума и воли страшный и безумный кошмаръ дѣйствительности. «Я не спалъ съ тѣхъ поръ, - говоритъ онъ, - какъ Кассій на Цезаря меня вооружилъ». Но тѣмъ не менѣе Шекспиръ не даетъ своему герою терять душевное равновѣсіе. Его рѣчи къ заговорщикамъ ясны и опредѣленны; онъ предусматриваетъ всѣ подробности предпріятія, онъ не хочетъ выполнить свой планъ какъ нибудь, на скоро, лишь бы развязаться съ нимъ. Нѣтъ, онъ все время остается на высотѣ задачи. Кассій предлагаетъ заговорщикамъ поклясться другъ другу въ томъ, что они выполнятъ задуманное. Но Брутъ не хочетъ клясть. Это оскорбило бы высокую мораль, которой онъ служитъ. Ей нужно подчиняться свободно, а не въ силу клятвы.

Кассій предлагаетъ погубить Антонія, который можетъ оказаться коварнымъ врагомъ. Другой на мѣстѣ Брута принялъ бы это предложеніе: гдѣ тамъ уже думать объ отдѣльныхъ жизняхъ, когда затѣвается государственный переворотъ! Но Брутъ вѣдь обязанъ считаться съ моралью: она, какъ ревнивая любовница, требуетъ, чтобъ человѣкъ всегда о ней и только о ней одной думалъ. И Антоній спасень!.. Когда заговорщики расходятся, у Брута находится и ласковое слово для его слуги, Люція, и приветливая улыбка для жены, Порціи, словно онъ не наканунѣ страшнаго дѣла, словно наступающія иды марта будутъ однимъ изъ обыкновенныхъ дней года. Брутъ всегда правдивъ, твердъ и справедливъ. Послѣ убійства Цезаря онъ обращается съ рѣчью къ народу. И - единственный быть можетъ въ исторіи случай - въ этой рѣчи нѣтъ ни одного слова лжи и никакихъ ораторскихъ украшеній. Онъ могъ сказать людямъ: смотрите, каковъ я - я ничего ни отъ кого не утаиваю. Наконецъ, въ 4-мъ дѣйствіи, въ сценѣ ссоры съ Кассіемъ, вы видите, что Брутъ горячится, выходитъ изъ себя; но и тутъ онъ правъ предъ моралью: онъ негодуетъ на Кассія за его недобросовѣстное веденіе дѣла.

О себѣ лично онъ никогда не думаетъ! А ему извѣстно, что судьба ко всѣмъ «бѣдамъ», имъ вынесеннымъ, прибавила еще новую, страшнѣйшую: его бѣдная подружка жизни, Порція, тоже, въ качествѣ дочери Катона, считавшая себя обязанной все вынести, на все дерзнуть ради морали, получилъ ложныя извѣстія о

Брутъ, отчаялась и умерла страшной смертью: проглотила раскаленный уголь. Но «философія» не велитъ Бруту смущаться. Все ей отдай, ничего не жалѣй. Она требуетъ, чтобъ ты убилъ Цезаря - убей Цезаря, хоть онъ и лучший твой другъ. Она требуетъ междоусобной войны - начни войну. Она приводитъ къ тому, что любимая, ни въ чемъ неповинная жена принуждена глотать горячіе угли - и это прими. Она отъ тебя требуетъ, чтобъ ты самъ глоталъ огонь и при этомъ восторженно улыбался. И, если она этого отъ тебя добьется, она чуть чуть подаритъ тебя снисходительной улыбкой и скажетъ то, что сказалъ Антоній о Брутѣ:

Прекрасна была жизнь Брута; въ немъ стихіи
Такъ соединились, что природа можетъ,
Возставъ, сказать предъ цѣлымъ миромъ: «это -
Былъ человѣкъ».

Всего только? спросите вы. Когда Шекспиръ писалъ «Юлія Цезаря», онъ хотѣлъ думать, что этого достаточно, ибо былъ убѣжденъ, что ничего другого у жизни вырвать нельзя. Жизнь требуетъ жертвъ - это уже не теорія, не вымыселъ, не Плутархъ, не Платонъ - но кому же ихъ отдать? Неужели никому и ничему? Признать ихъ бесцѣльными? Такъ не лучше ли снести ихъ къ алтарю морали и принять ея бездушную похвалу - все, что она можетъ дать? Нѣтъ, хуже, въ тысячу разъ хуже. Это видно уже и въ «Юліи Цезарѣ», гдѣ даже самъ Брутъ, такъ беззавѣтно исполнившій свой долгъ, въ послѣднюю минуту теряетъ охоту продолжать свое служеніе и отворачивается отъ высшаго «абсолютнаго блага», такъ краснорѣчиво описываемаго въ философскихъ книгахъ. «О, Цезарь», говоритъ онъ, «я тебя убилъ не такъ охотно какъ себя». Но въ «Юліи Цезарѣ» этотъ диссонансъ не замѣтенъ для безопаснаго уха, тѣмъ болѣе, что онъ заглушается сказаннымъ Антоніемъ

152

надъ трупомъ Брута надгробнымъ словомъ. Въ «Гамлетѣ» же нѣтъ и слѣда внѣшне-твердыхъ, брутовскихъ рѣчей и дается полная свобода отчаянію. Въ «Королѣ Лирѣ» ставится въ заключеніи трагедіи страшный вопросъ: «это-ли обѣщанный конецъ?», а въ «Макбетѣ» герой, страшный убійца, который бы долженъ былъ не смѣть и думать о себѣ и валяться въ прахѣ предъ высокой моралью, дерзаетъ бросить вызовъ судьбѣ: «тебя, судьба, зову на поединокъ», восклицаетъ онъ... Отъ величайшаго смиренія Шекспиръ перешелъ къ величайшему дерзновенію. Не въ этомъ ли смыслъ трагическихъ переживаній? И не здѣсь ли нужно искать разгадку тайны трагической красоты? Во всякомъ случаѣ ясно, что «автономія морали», долгъ *an sich*, къ которымъ Шекспиръ прибѣгъ въ труднѣйшую минуту жизни, не принесли ему ничего. Современная этика, претендующая на суверенныя права, была имъ отвергнута. Нужно либо вернуться назадъ, къ Плутарху и его дѣтскимъ вѣрованіямъ и мифамъ, либо идти впередъ - куда впередъ? Вслѣдъ за Шекспиромъ - къ Макбету?!

Сказаннымъ достаточно выясняется роль Брута въ разбираемой нами трагедіи. Что касается самого Цезаря - нужно признаться, что онъ, сравнительно, не удался Шекспиру. И, странное дѣло, очень долгое время критики не хотѣли замѣчать этого обстоятельства. Почему? Трудно сказать навѣрное: вѣроятно, авторитетъ Шекспира слишкомъ импонировалъ имъ, и всѣмъ казалось неловкимъ порицать то, что вышло изъ подъ пера столь славнаго поэта. Теперь, однако, ослѣплѣніе прошло. Брандесъ, на примѣръ, даже позволяетъ себѣ по поводу Цезаря читать длинныя нотаціи Шекспиру. Это, конечно, смѣшно: Цезарь у Шекспира вышелъ неживымъ и каррикатурнымъ - но, разумѣется, не потому, что великому поэту не подъ силу было справиться съ своей задачей, какъ думаетъ Брандесъ. Можетъ быть, если-бы онъ взялся писать о Цезарѣ не въ 1601-2 году, а пятью, шестью годами раньше, онъ изобразилъ бы его иначе. Но теперь, когда дѣло шло о торжествѣ «автономной морали», объ «идеѣ долженствованія», какъ высшемъ принципѣ человѣческой дѣятельности, Цезарь не могъ занимать поэта ни какъ человѣкъ, ни какъ историческій дѣятель. Тѣмъ болѣе, что и у самого Плутарха онъ изображенъ въ слегка комическомъ видѣ. Передавая, на примѣръ, извѣстный эпизодъ о томъ, какъ Цезарь былъ захваченъ въ плѣнъ морскими разбойниками и какъ онъ гордо и вызывающе велъ себя въ плѣну, Плутархъ заключаетъ свой рассказъ слѣдующимъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ: «...но разбойникамъ все это очень нравилось, и они въ его дерзкихъ выходкахъ видѣли лишь однѣ невинныя шутки». Такими ироническими замѣчаніями пересыпанъ весь рассказъ Плутарха о Цезарѣ, и уже этого было бы достаточно для того, чтобы внушить Шекспиру недовѣріе къ качеству Цезаревскаго величія. Но, даже и помимо того, Цезарь естественно долженъ казаться смѣшнымъ человѣку, который принужденъ искать себѣ послѣдняго оплота въ Брутѣ. Ибо торжество Цезаря - значитъ поражение Брута.

Не менѣе загадочнымъ, хотя уже совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, выходитъ у Шекспира Антоній. Его фигура очерчена безподобно, его рѣчи - сплошь до послѣдняго слова - перлы художественнаго творчества. Но, что поразительнѣе всего: у читателя остается впечатлѣніе, что Шекспиръ на время изъ-за Антонія забываетъ своего Брута. Антоній близокъ поэту, онъ имъ невольно любитъ и прощаетъ ему все, даже его измѣнническую политику съ Брутомъ. А вѣдь Антоній такъ же далекъ отъ автономной морали, какъ и Цезарь, - пожалуй еще дальше... Для него нормы не существуютъ. Онъ ничѣмъ не связанъ и боится только силы. Это великолѣпный образчикъ смѣлаго, красиваго и хитраго хищника. Пока Брутъ силенъ - Антоній угодливо склоняетъ предъ нимъ колѣни. Но Брутъ отвернулся, опасный моментъ прошелъ и хищникъ, почувявъ себя на волѣ, однимъ ловкимъ, красивымъ и свободнымъ прыжкомъ бросается на своего укротителя. Изъ-за угла, изъ кустовъ, коварно, лживо, не считаясь ни съ благодарностью, ни съ иными высокими чувствами и правилами. Но въ каждомъ его движеніи насъ невольно поражаетъ довѣряющая себѣ, непокорная, непризнающая надъ собою чуждыхъ законовъ, *самодержавная жизнь*. Впечатлѣніе получается тѣмъ болѣе захватывающее, что мы недавно, вслѣдъ за Шекспиромъ, спускались въ душное и темное подземелье, гдѣ современная инквизиція, автономная мораль, пытала

Брута, заставляла его глотать пылающие уголья... Конечно, и хищник не всегда верно рассчитывает: там, где он надеется на победу, его ждет нередко поражение. Но гибнуть в борьбе за свое право все же не так страшно, как

153

признать себя безправным существом, наемником - хотя бы морали:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения -
Безсмертья, может быть, залог.

Брут не может знать этих неизъяснимых наслаждений - он борется не за себя, а за идею, за призрак, который люди сделали Богом. Брут - не цель, а средство, не жрец - а жертвенное животное.

Даже и с Кассием нам как будто легче, чем с Брутом, хотя он делами своими возбуждает в нас ненависть, порой отвращение. Он убивает Цезаря из узко-личных расчетов, он грабит провинции, через которые проходит с войском, он сквозь пальцы смотрит на взяточничество подчиненных ему офицеров, он отказывает Бруту в денежной помощи и т. д.

Не будь на ряду с ним Брута, мы дали бы простор своему моральному негодованию. Но все преступления Кассия кажутся нам маловажными сравнительно с поставленной себе Брутом задачей. Брут хочет себя и весь мир принести в жертву идее - и для нас слово жертва становится невыносимым.

Жаль, бесконечно жаль глядеть на Порцию, бедную подругу бедного Брута. И ее, ни в чем неповинную, сожрала ненасытная мораль. Трогательно и вместе ужасно вспомнить, как ранила она себя в бедро, чтобы проверить себя и убедиться, что она достойная дочь Катона и жена Брута. Она вынесла первое испытание, но, чем дальше - тем ей становится труднее. Когда Брут уходит в сенат, у нея нет сил владеть собой и она чуть не выдает вверенную ей мужем страшную тайну. Но все-же она справляется с собой - с тем, чтобы потом умереть мучительной смертью. И о ней можно бы сказать: «прекрасна была ее жизнь и ее можно поставить в пример всем, жаждущим отличиться пред высокой нравственностью. Глотайте угли - а там уже история вас не забудет и соорудит вам памятник каждому отдельно, или всем вместе, если вас наберется много. Это-ли не утешение? Это-ли не оправдание жертв и требовательности автономной морали?

Еще есть одно, многоголовое действующее лицо в «Юлии Цезарь» - это народ, или вернее «толпа». Шекспир не даром заслужил славу «реалиста». Он несколько не льстит толпе и не приукрашивает ее шаблонными добродетелями. У него она легкомысленна, изменчива, неблагодарна, жестока. Сегодня она бьжит за колесницей Помпея, завтра орет ура в честь Цезаря, а

еще через нѣсколько дней умиляется рѣчамъ его убійцы Брута, чтобъ потомъ, поддавшись убѣжденіямъ Антонія, требовать головы своего недавняго любимца. Непостоянствомъ толпы принято возмущаться. Но, на самомъ дѣлѣ, здѣсь, повидимому, лишь осуществляется древнѣйшій законъ справедливости: око за око, зубъ за зубъ. Толпѣ, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла до Помпеевъ, Цезарей, Антоніевъ, Суллъ, какъ всѣмъ этимъ героямъ нѣтъ никакого дѣла до толпы. Сегодня хозяйничаетъ Цезарь - хвала ему; завтра Антоній - можно пойти и за нимъ. Пусть только дають хлѣбъ и зрѣлица. А объ ихъ заслугахъ вспоминать нѣтъ никакой надобности. Они и сами достаточно хорошо объ этомъ помнятъ и награждаютъ себя съ истинно царской щедростью. Правда, иной разъ въ густые ряды честолюбцевъ затешется и честный, безкорыстный Брутъ. Но, у кого есть время и охота искать жемчужину въ кучѣ песку? Толпа - пушечное мясо для героевъ, герои - забава для толпы. Справедливость торжествуетъ и занавѣсъ можетъ быть опущенъ...

Л. Шестовъ

Независимо отъ своего поэтическаго значенія, «Юлій Цезарь» Шекспира представляетъ еще крупный литературно-историческій интересъ, специально какъ историческая трагедія. Конечно, «Юлій Цезарь» не былъ первой попыткой нашего поэта: въ области исторической драмы задолго до того были написаны имъ Генрихи, Ричарды и прочія «исторіи». Но между тѣмъ какъ тѣ были построены на матеріалѣ, заимствованномъ изъ хроники Голиншеда, здѣсь впервые Шекспиръ избралъ своимъ источникомъ біографію Плутарха, т. е. такое литературное произведеніе, на которомъ онъ могъ поучиться также искусству построения фабулы и характеристики дѣйствующихъ лицъ, т. е. доброй части того, что мы называемъ драматической техникой. И именно въ этомъ отношеніи прогрессъ въ нашей трагедіи очевиденъ: кто внимательно сравнитъ три «плутарховскія» трагедіи съ одной стороны съ англійскими «исторіями» Шекспира,

154

съ другой – съ Плутархомъ, тотъ не усумнится въ томъ, что послѣдній сыгралъ важную роль въ развитіи новѣйшей драмы. Шекспиръ, учившійся – со всей готовностью истиннаго гениа – вездѣ, гдѣ только можно было учиться, охотно представилъ себя руководителю такому мастеру-разсказчику, какимъ былъ Плутархъ и благодаря этому поднялъ историческую драму на такую высоту, на какой она еще не бывала раньше.

Прогрессъ, о которомъ мы говоримъ, заключается, во-первыхъ, въ объединеніи, во-вторыхъ, въ художественномъ развитіи дѣйствія. Оба термина требуютъ поясненія. Подъ объединеніемъ дѣйствія мы разумѣемъ не то, что обыкновенно называютъ его единствомъ – это важное классическое требованіе къ

Шекспиру, какъ извѣстно, непримѣнимо. Единство дѣйствія уподобляетъ драму пальмѣ, состоящей изъ одного только ствола, его объединенность – дубу, стволъ котораго раздѣляется на много сучьевъ и вѣтокъ; прежняя «исторія» была ни тѣмъ, ни другимъ, а скорѣе – чтобы продолжать сравненіе, – уподоблялась баобабу, многіе самостоятельные стволы котораго сплетаются между собою лабиринтомъ соединительныхъ вѣтвей. Что касается художественнаго развитія дѣйствія, то подѣ нимъ мы разумѣемъ проведеніе строгой драматургической связи между отдѣльными драматическими моментами, тщательную мотивировку каждаго изъ нихъ какъ съ психологической, такъ и съ экономической точки зрѣнія. Дошекспировская драма не сознавала этого требованія, а если и удовлетворяла ему, то случайно; въ шекспировскихъ «исторіяхъ» оно сплошь и рядомъ нарушается; лишь на Плутархѣ, который и самъ съ драматическимъ интересомъ относился къ судьбѣ своихъ героевъ, Шекспиръ научился сознательно ему повиноваться. Конечно, безъ нарушеній дѣло не обходится и здѣсь позднѣйшей драмѣ пришлось во многомъ двинуть дальше шекспировскую технику; но все же прогрессъ былъ очень великъ.

Сравнивая Шекспира съ Плутархомъ, мы должны отличать тѣ уклоненія, которыя были вызваны рецидивами прежней беззаботной техники, отъ тѣхъ, въ которыхъ сказывается сознательное различіе во взглядахъ... Последнее предположеніе можетъ показаться страннымъ: гдѣ же можетъ быть различіе во взглядахъ на римскую исторію между Шекспиромъ и его источникомъ? Отвѣчаемъ: вездѣ, гдѣ въ исторіи играли роль общечеловѣческіе элементы. А таковымъ была, прежде всего, толпа или «народъ» въ спеціальному значеніи слова. У Плутарха она представлена съ хорошей стороны: конечно, она экспансивна, но не настолько, чтобы измѣнять самой себѣ; Цезаря она обожаетъ и только не желаетъ видѣть его царемъ надъ собою, къ его убійцамъ съ самаго начала относится враждебно, такъ что Антонію нетрудно раздуть ея вражду въ дикую жажду мести, однимъ словомъ, это – *populus Romanus*. У Шекспира не то – и не потому, разумѣется, чтобы онъ пессимистически относился спеціально къ римскому народу, а потому, что въ каждой толпѣ онъ видѣлъ просто толпу. Поучительно, въ этомъ отношеніи, сравнить толпу, которую онъ изобразилъ въ «Юліи Цезарѣ» и «Коріоланѣ» съ его родной, англійской, представленной въ его «исторіяхъ», особенно въ Генрихѣ VI (2 ч, д. IV, сц. 8). Тамъ его мысль выражена еще схематичнѣе: толпа, подобно маятнику, колеблется между полководцемъ короля и мятежникомъ Кэдомъ; здѣсь уподоблено болѣе искусства, но основное представленіе одно и то же. Въ этомъ презрѣніи къ толпѣ видѣли доказательство аристократизма Шекспира; быть можетъ, правильнѣе, будетъ усмотрѣть въ немъ проявленіе индивидуализма, который въ немъ, какъ въ истинномъ сынѣ Возрожденія, былъ очень силенъ. Въ силу того же индивидуализма онъ – противорѣча и въ томъ отношеніи Плутарху – выдвинулъ Кассія за счетъ прочихъ друзей римской свободы. У Плутарха многіе римляне независимо другъ отъ друга требуютъ отъ Брута его подвига: у Шекспира (д. I, сц. 2) все это представлено дѣломъ одного только Кассія, который является настоящей душой заговора.

Иного рода различіе во взглядахъ сказалось въ характеристикѣ Каски. У Плутарха это такой же заговорщикъ, какъ и остальные, одинъ изъ многихъ; у Шекспира вышла очень ярко очерченная, живая личность – юмористъ, но все-же юмористъ-заговорщикъ, веселость котораго приправлена значительной долей желчи. Мы можемъ прослѣдить довольно точно возникновеніе этой фигуры: это – «клоунъ» старинной англійской драмы (см. т. I, стр. 58), представитель комическаго элемента въ трагедіи, въ которомъ поэтъ нуждался для болѣе эффектнаго отгѣненія трагизма. Онъ имѣется во всѣхъ трехъ римскихъ пьесахъ: въ «Антоніи и Клеопатрѣ» его имя – Аэнобарбъ, въ «Коріоланѣ» - Мененій Агриппа. Въ этой послѣдней, самой поздней драмѣ,

155

поэтъ лучше всего справился со своей задачей: Мененій до конца остается тѣмъ, чѣмъ онъ представленъ съ первыхъ сценъ, между тѣмъ какъ Аэнобарбъ въ послѣднихъ дѣйствіяхъ теряетъ свой юморъ и превращается въ трагическую фигуру, а Каска и совсѣмъ не появляется.

Зато нельзя сказать, чтобы Шекспиръ въ характеристикѣ главнаго героя трагедіи – таковымъ мы должны признать Брута – разошелся со своимъ источникомъ. Правда, есть одна сцена, которая какъ бы заставляетъ насъ думать, что поэтъ видѣлъ въ немъ актера, драпирующагося въ благородство, а не искренняго и честнаго человѣка и мы предпочитаемъ обратить вниманіе читателя на нее, чѣмъ стараться замазать противорѣчіе. Въ д. IV сц. 3 Кассій упрѣкаетъ Брута въ томъ, что онъ мало пользуется уроками своей философіи. «Напротивъ», говоритъ Брут – и въ доказательство ссылается на спокойствіе, съ которымъ онъ переноситъ смерть своей горячо любимой супруги. Здѣсь впервые Кассій узнаетъ, что Порція скончалась; онъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, но Брутъ проситъ его не говорить болѣе о немъ. Является Титиній съ Мессалой, у послѣдняго на душѣ тяжелое порученіе. Онъ сначала выпытываетъ Брута: «нѣтъ ли у тебя письма отъ жены?» - «Нѣтъ, Мессала», - «Ни даже извѣстія о ней?» - «Нѣтъ», отвѣчаетъ Брутъ, очевидно говоря неправду. Мессала проситъ его по-римски перенести несчастье и тогда только сообщаетъ ему, какъ нѣчто новое, вѣсть о смерти жены. «Что жъ, Порція, прости!» отвѣчаетъ Брутъ... Что это такое? Разыгрываетъ ли Брутъ передъ друзьями комедію стоицизма, чтобы произвести впечатлѣніе на нихъ? Нетрудно убѣдиться, что представленіе о Брутѣ, какъ о комедіантѣ, противорѣчитъ всей прочей трагедіи; но еще важнѣе вотъ что: когда Мессала, пораженный величіемъ Брута, восклицаетъ «такъ то великій мужъ переноситъ великія утраты!» Кассій говоритъ: «я выучкой (*in art*) тебѣ въ этомъ не уступлю, но моя природа была бы не въ состояніи такъ это перенести!» А между тѣмъ Кассій долженъ былъ знать, что Брутъ только притворяется, будто извѣстіе о смерти Порціи застигло его врасплохъ. – Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что передъ нами не двѣ послѣдовательныя сцены, а два варианта одного и того же мотива. Первоначально послѣ словъ Брута «эй, Люцій! Принеси чарку вина», Люцій приноситъ требуемое (далеко ходить ему было незачѣмъ, такъ какъ они находились въ палаткѣ Брута) и оба друга пили

мировую, затѣмъ приходили Титиній и Мессала и Брутъ узналъ отъ послѣдняго о смерти своей жены. Позднѣе поэтъ счелъ болѣе удобнымъ вставить этотъ мотивъ въ сцену съ Кассіемъ: что мы имѣемъ дѣло со вставкой, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ея концѣ мы читаемъ тѣ же слова, что и передъ ея началомъ: тамъ - ...immediatly to us. Lucius, a bowl of wine! здѣсь – Speak no more of her. Give me a bowl of wine... Вся эта вставка можетъ быть удалена безъ всякаго ущерба (какъ равно и стихъ *Gass. Portia, art thou gone? Brut. No more I pray you* въ началѣ сцены съ Мессалой); конечно, вставляя ее, Шекспиръ предполагалъ пропустить соответственное мѣсто въ разговорѣ съ Мессалой (примѣрно отъ словъ Мессалы «есть у тебя письма отъ жены?» до вышеприведеннаго восклицанія Кассія); такъ какъ первое печатное изданіе «Юлія Цезаря» появилось болѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ его возникновенія, то неудивительно, что въ него попали оба варианта.

Вернемся, однако къ драматической Technikѣ. Что касается объединенности дѣйствія, то въ немъ никакого сомнѣнія быть не можетъ: оно сдерживается личностью главнаго героя трагедіи Брута. Находили страннымъ, что, несмотря на центральное положеніе этой роли, драма названа не по ней, а по лицу, умирающему въ третьемъ актѣ; но страннаго тутъ ничего нѣтъ. Шекспиръ колебался, по поводу своей третьей юношеской трагедіи между заглавіями: «Луиза Миллеръ», по имени героини, и «Коварство и олюбовь» по имени движущихъ силъ драмы. Шекспиръ равнымъ образомъ назвалъ свою драму по имени не ея героя, а ея главной движущей силы, каковой былъ именно Юлій Цезарь, живой и мертвый. Объединенность же получилась очень просто: поэту достаточно было слѣдовать своему источнику, у котораго личность Брута тоже является звеномъ между концомъ біографіи «Юлія Цезаря» и біографіей Брута. Иногда онъ умѣло пропускаетъ сцены, имѣвшія только историческій, но не драматическій интересъ – таковы событія между уходомъ Брута изъ Рима и проскрипціей (ср. о нихъ наше введеніе къ «Антонію и Клеопатрѣ»). Можно тутъ поставить вопросъ почему онъ не пропустилъ и самой

проскрипціи; должны ли мы признать въ ней рецидивъ прежней фрагментарной техники, или же эта сцена объединена идейно съ прочимъ дѣйствіемъ? Полагаемъ, что объединена. Вспомнимъ совѣщаніе заговорщиковъ (Д. II, ст. 2): на предложеніе Кассія убить вмѣстѣ съ Цезаремъ и Антонія, Брутъ отвѣчалъ отказомъ – онъ не хочетъ кровопролитія, онъ радъ бы пощадить и Цезаря, если бы можно было истребить его духъ, не трогая тѣла. Къ этому благородному увлеченію мечтателя-идеалиста образуетъ разительный контрастъ циническій реализмъ тріумвираторовъ и ихъ позорные торги о человѣческой крови; вотъ каковы тѣ, кому суждено побѣдить Брута! Не даромъ поэтъ подчеркивалъ, что они не остановились даже передъ убійствомъ Цицерона – и не даромъ имъ выведенъ на сцену этотъ кумиръ всей эпохи Возрожденія. Правда онъ лишь на подобіе тѣни

скользят по подмосткамъ, но тѣни внушительной и великой соединяющей энергію чловѣка дѣла съ тихой безстрастностью мудреца.

Менѣе удачно построение фабулы въ другихъ мѣстахъ. Гнѣвъ народа противъ Цинны-поэта у Плутарха гораздо лучше мотивированъ и вставленъ въ общее развитіе дѣйствія, чѣмъ у Шекспира. Тамъ Цинна-заговорщикъ обращается къ народу съ рѣчью, понося въ ней память Цезаря, эта рѣчь глубоко возмущаетъ народъ – между тѣмъ какъ у Шекспира Цинна-заговорщикъ совершенно ступешивается передъ своими товарищами. Равнымъ образомъ у Плутарха страшная участь Цинны-поэта является важнымъ моментомъ въ развитіи дальнѣйшаго дѣйствія, такъ какъ именно она заставляетъ заговорщиковъ покинуть Римъ; у Шекспира они еще раньше ушли, и сцена убійства Цинны – простое интермеццо полусмѣшного, полутрагического характера. Такимъ же интермеццо, да къ тому же и малопонятнымъ, должны мы признать появленіе «поэта» въ палаткѣ Брута съ цѣлью его примиренія съ Кассіемъ. Прежде всего это былъ вовсе не поэтъ, а почтенный сенаторъ Фавоній, приверженецъ стоической философіи, почитатель и подражатель Катона. Узнавъ о спорѣ между обоими освободителями Рима, онъ ворвался въ палатку и патетическимъ голосомъ продекламировалъ мѣсто изъ рѣчи Нестора къ Агамемнону и Ахиллу изъ первой пѣсни Иліады (ст. 259 сл. пер. Гнѣдича):

Не покоритесь, могучіе! оба меня вы моложе и т. д.

Его увели, но своей цѣли онъ всетаки достигъ: ссора прекратилась; повидимому, спорящіе усмотрѣли въ его поведеніи отголосокъ настроенія войска. Нашъ поэтъ могъ мотивировать прекращеніе ссоры этими политическими соображеніями, или же психологическимъ процессомъ – отрезвляющимъ вліяніемъ смѣшного на расходившіяся страсти. Онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого; у него противники помирились еще до появленія Фавонія, которое оказывается, такимъ образомъ, лишеннымъ всякаго драматургического значенія.

Но прогрессъ, представляемый «Юліемъ Цезаремъ» въ смыслѣ послѣдовательнаго развитія дѣйствія, заключается именно въ томъ, что мы вездѣ сознаемъ это требованіе и чувствуемъ его нарушенія, какъ таковыя, между тѣмъ какъ по отношенію къ «исторіямъ» и ихъ прерывистому характеру самого требованія возникнуть не можетъ. А что и послѣ Шекспира драматургической техникѣ нужно было во многомъ усовершенствоваться – причемъ школа французскаго классицизма тоже не пропала даромъ – это разумѣется само собою. Приведу одинъ образчикъ, особенно интересный для насъ. Плутархъ рассказываетъ (Цез. гл. 63), что «по очень распространенному слуху нѣкій прорицатель сказалъ Цезарю, чтобы онъ остерегался страшной опасности, угрожающей ему въ тотъ день мѣсяца марта, который римляне зовутъ Идами. Такъ вотъ, когда этотъ день наступилъ, Цезарь на пути въ сенатъ привѣтствовалъ прорицателя и шутя сказалъ ему: что жъ, мартовскія Иды наступили, - онъ же спокойно отвѣтилъ: да, наступили, но еще не миновали». Шекспиръ этотъ мотивъ цѣликомъ принялъ въ свою трагедію. Въ д. I, сц. 2 – Цезарь слышитъ предсказаніе относительно мартовскихъ Идъ. Третье дѣйствіе начинается съ насмѣшливыхъ словъ Цезаря «мартовскія Иды наступили!» и зловѣщаго отвѣта прорицателя: «да,

Цезарь, но еще не миновали!» - но психологически мотивъ не использованъ; не видно, чтобъ этотъ вѣщатель имѣлъ какое нибудь вліяніе не только на образъ дѣйствій, но даже и на настроеніе Цезаря. – Отъ Шекспира мотивъ перешелъ къ Алексѣю Толстому: но насколько тщательнѣе онъ у него развитъ! Вспомнимъ, подъ какимъ гнетомъ живетъ суевѣрная душа Іоанна со времени даннаго ему предсказанія, но какимъ торжествомъ встрѣчаетъ онъ наступленіе рокового дня и какое страшное дѣйствіе имѣетъ на него

157

переданный Годуновымъ отвѣтъ волхвовъ: «Кириллинъ день еще не миновалъ».

Это не значитъ, разумѣется, что Алексѣй Толстой, какъ талантъ, стоитъ выше Шекспира: это значитъ только, что драматургическая техника со времени Шекспира подверглась еще большому усовершенствованію, которымъ русскому поэту нетрудно было воспользоваться. Но, обозрѣвая развитіе техники исторической драмы отъ первыхъ опытовъ Шекспира и до нашихъ дней, мы должны сказать, что именно нашъ «Юлій Цезарь» былъ важнымъ шагомъ впередъ по пути ея усовершенствованія; въ немъ мы имѣемъ право признать, въ противоположность къ драматизованнымъ хроникамъ прежнихъ лѣтъ – первую историческую драму, заслуживающую этого имени.

Ө. Зѣлинскій.

158

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юлій Цезарь.
Октавій Цезарь, }
Маркъ Антоній, } триумвиры по смерти Цезаря
Маркъ Эмилиій Лепидъ, }
Цицеронъ, Публий и Попилій Лена, сенаторы.
Маркъ Бругъ, }
Кассій, |
Каска, |
Требоній, |
Лигарій, } заговорщики противъ Юлія Цезаря.
Децій (Децимъ) Бругъ, |
Метелль Цимберъ, |
Цинна, }
Флавій и Марулль, трибуны
Артемидоръ, софистъ кидосскій.
Цинна, стихотворецъ.
Другой стихотворецъ.

Предсказатель.

Люциній, Титиній, Мессала, молодой Катонъ, Волюмній, друзья Брута и Кассія.

Варонъ, Клитъ, Клавдій, Стратонъ, Люцій, Дарданій, служители Брута.

Пиндаръ, служитель Кассія.

Кальфурнія, жена Цезаря.

Порція, жена Брута.

Сенаторы, граждане, стража, служители.

Мѣсто дѣйствія въ Римѣ, а потомъ въ Сардахъ и, наконецъ, при филиппахъ.

159

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. - Улица.

Входятъ Флавій, Марулль и толпа гражданъ.

Флавій.

Домой, лѣнтяи! развѣ нынче праздникъ?

Скажите мнѣ, не знаете вы, что ли,

Что въ будни вамъ, мастеровымъ, нельзя

Ходить безъ внѣшнихъ знаковъ ремесла?

Ты кто такой?

1-й гражданинъ. Я, сударь, плотникъ.

Марулль.

Такъ гдѣ жь отвѣсь и кожаный передникъ?

Зачѣмъ идешь ты въ праздничномъ нарядѣ?

Вы, сударь, ваше ремесло какое?

2-й гражданинъ. Правду сказать, сударь, я ремесленникъ не важный, если сравнить меня съ хорошимъ мастеровымъ.

Марулль. Твое ремесло? Отвѣчай прямо.

2-й гражданинъ. Ремесло, сударь, надѣюсь, такое, что могу имъ заниматься безъ угрызенія совѣсти: я починаю грѣхи².

Марулль. Какое же ремесло? Ты, плуть шутливый, ремесло какое?

2-й гражданинъ. Нѣтъ, пожалуйста, сударь, не гнѣвайтесь, не надрывайтесь. Впрочемъ, если надорветесь, я вамъ помогу.

Марулль. Что? ты можешь мнѣ, грубіянь?

2-й гражданинъ. Ну, да, подкину вамъ подметки.

Марулль. Такъ ты, значитъ, чеботарь?

2-й гражданинъ. Да! только и живу шиломъ. И только шиломъ вмѣшиваюсь въ дѣла торговцевъ и женщинъ. Я, по правдѣ,

160

врачъ старой обуви. Когда она въ опасности, я ее выручаю изъ бѣды. Самыхъ лучшихъ людей, когда либо ходившихъ на воловьей шкурѣ, мнѣ случалось ставить на ноги, благодаря своему ремеслу.

Флавій.

Зачѣмъ же ты теперь не за работой, -

Зачѣмъ людей ты этихъ за собою

По улицамъ таскаешь?

2-й гражданинъ. Я для того таскаю ихъ за собою, чтобы они скорѣе износили свою обувь; такимъ образомъ я добуду побольше работы. Шутки въ сторону: мы сегодня празднуемъ, чтобъ видѣть Цезаря и выразить свой восторгъ по случаю его торжества.

Марулль.

Съ чего восторгъ? Съ какимъ завоеваньемъ

Вернулся онъ въ отчизну? Гдѣ они,

Тѣ данники, что онъ привелъ въ цѣпяхъ,

Чтобы свою украсить колесницу?

Вы - камни, вы - безчувственные твари!

Суровыя сердца жестокихъ римлянъ

Забыли ужъ Помпея. Сколько разъ

Взлѣзали вы на стѣны и на башни,

На окна, даже на вершины трубъ,

Держа дѣтей въ рукахъ; и цѣлый день

Сидѣли вы, съ терпѣньемъ ожидая,

Когда начнется шествіе Помпея

По улицамъ ликующаго Рима!

Когда его являлась колесница,

Восторженные клики раздавались;

Они съ такою силою звучали,

Что самый Тибръ въ волненье приходилъ

Среди своихъ отвѣсныхъ береговъ,

Гдѣ ваши крики эхомъ повторялись.

Зачѣмъ же вы такъ пышно разрядились

И новый праздникъ создали, цвѣтами
Безумно усыпая путь того,
Кто пролилъ кровь великаго Помпея!
Скорѣй домой спѣшите! На колѣни
Падите предъ богами, ихъ молитесь,
Чтобъ отвратили страшную ту кару,
Которую навѣрное накличетъ
Неблагодарность ваша.

Флавій.

Да, уйдите,
Почтѣнные сограждане. Вамъ надо
Тяжелый свой проступокъ искупить.
Сберитесь, бѣдные, на берегъ Тибра.
Пусть ваши слезы капаютъ въ него,
Пока вода и въ самомъ мелкомъ мѣстѣ
Его высокій берегъ не затопитъ. (*Граждане расходятся*).
Расплавился подлѣйшій изъ металловъ:
Они ушли, сознавъ свою вину...
Ты путь свой къ Капитолію направь,
А я другою улицей пойду,
Срывая украшенья и трофеи
Везде, гдѣ только встрѣтятся они.

Маруллѣ.

Но можно ль это сдѣлать? Вѣдь сегодня,
Какъ это знаешь, праздникъ Луперкалій.

Флавій.

О, ничего! Нигдѣ не оставляй
Ты Цезаря трофеевъ. По домамъ
Я буду чернъ повсюду разгонять.
Примѣру моему и ты послѣдуй!
Мы Цезаря полетъ должны умѣрить,
Изъ крыль его выщипывая перья;
Не то онъ такъ подыметъ высоко,
Что скроется изъ глазъ людскихъ совсѣмъ
И окуетъ всѣхъ рабскою боязнью.

СЦЕНА II.

Площадь.

Шествіе съ музыкой. – Цезарь, Антоній (*для участія въ бѣгѣ*), Кальфурнія,
Порція, Децій, Цицеронъ, Брутъ, Кассій и Каска, за ними густая толпа, среди
которой предсказатель.

Цезарь.

Кальфурнія!

Каска.

Пусть всѣ умолкнутъ: Цезарь говоритъ!

(Музыка умолкаетъ).

Цезарь.

Кальфурнія!

Кальфурнія.

Я здѣсь.

Цезарь.

Когда Антоній

Начнѣтъ свой бѣгъ, стань на его дорогъ.

Антоній!

Антоній.

Что тебѣ угодно, Цезарь?

Цезарь.

Ты не забудь коснуться на бѣгу
Кальфурніи. Намъ старцы говорятъ,
Что будто бы безплодныя рождаютъ,
Когда въ бѣгу священномъ ихъ коснутся.

160

Антоній.

Могу ль забыть? Твои приказы, Цезарь,
Немедленно всегда я исполняю.

Цезарь.

Не прерывайте шествія; при этомъ
Обычные обряды соблюдайте.

Предсказатель.

О Цезарь!

Цезарь.

Кто зоветъ?

Каска.

Молчите снова! *(Музыка умолкаетъ).*

Цезарь.

Кто изъ толпы сейчасъ ко мнѣ взывалъ?
Чей это голосъ, музыку покрывшій,
Звалъ Цезаря? Ему внимать готовъ я.

Предсказатель.

Тебѣ грозятъ бѣдою иды марта.

Цезарь.

Кто этотъ человекъ?

Бругъ.

Онъ предсказатель,
Тебѣ совѣтъ дающій опасаться
Идъ марта.

Цезарь.

Пусть приблизится ко мнѣ!
Его въ лицо хочу я увидать.

Кассій.

Пріятель, выйди изъ толпы скорѣе
И къ Цезарю приблизься.

Цезарь.

Что сказалъ ты?
Свои слова ты повтори при мнѣ.

Предсказатель.

Тебѣ грозятъ бѣдою иды марта!

Цезарь.

Онъ бредитъ. Бросимте его. Пойдемъ.

(Музыка. Встѣ уходятъ, кромѣ Брута и Кассія).

Кассій.

Ты развѣ не пойдешь смотрѣть на бѣгъ?

Брутъ.

Охоты нѣтъ.

Кассій.

Прошу, пойдемъ со мною.

Брутъ.

Я не любитель игръ; мнѣ не хватаетъ
Веселости Антонія. Тебѣ
Помѣхой быть я не желаю, Кассій,
И потому уйду.

Кассій.

Послушай, Брутъ!

Я съ нѣкоторыхъ поръ не замѣчаю
Въ твоихъ глазахъ той нѣжности, той дружбы,
Къ которымъ я привыкъ. Ты съ лучшимъ другомъ
И скрытенъ сталъ, и холоденъ.

Брутъ.

О Кассій,

Повѣрь, ты ошибаешься. Мой взоръ,
Быть можетъ, омрачился, но тому
Причиной служить внутренній разладъ.
Я жертвой сталъ тревожныхъ, мрачныхъ, думъ,

Что межъ собою въ вѣчномъ разногласи.

Тѣ думы лишь касаются меня
И могут, для меня и незамѣтно,
Вліять на обращеніе мое.
Моимъ друзьямъ не надо огорчаться, -
А въ ихъ числѣ и Кассія считаю:
Моя холодность только знакъ того,
Что бѣдный Брутъ, въ борьбѣ съ самимъ собою,
Невольно забываетъ выражать
Свою любовь къ другимъ.

Кассій.

Теперь я вижу,
Что дурно изъяснилъ твою холодность,
Благодаря которой я скрывалъ
На днѣ души не мало важныхъ мыслей,
Достойныхъ обсужденія. Скажи,
ы можешь ли свое лицо увидѣть?

Брутъ.

Не иначе, какъ черезъ отраженіе
Другихъ предметовъ.

Кассій.

Жаль, что нѣтъ зеркаль,
Способныхъ твоему представить взору
Сокрытыя достоинства твои,
Чтобъ ты свое могъ видѣть отраженіе!
Не разъ жалѣли лучшіе изъ римлянъ,
За исключеніемъ Цезаря, что Брутъ
Не хочетъ глазъ открыть, когда повсюду
Царятъ насиліе и произволъ.

Брутъ.

Меня вовлечь въ опасность хочешь ты,
Во мнѣ стараясь мысли пробудить,
Которыхъ не имѣлъ я.

Кассій.

Слушай, Брутъ!

Посредствомъ отраженія только можно
Себя увидѣть; зеркаломъ твоимъ
Я буду и съ смиреніемъ предъ тобою
Раскрою то, что о себѣ не знаешь.
Во мнѣ не сомнѣвайся, милый Брутъ:
Я не изъ тѣхъ, что съ вѣчною насмѣшкой
Глядятъ на жизнь. Я не изъ тѣхъ, что дружбу
Позорятъ, передъ каждымъ расточая
Пустыя увѣренія въ любви.

Въ глаза не льщу я людямъ, чтобъ затѣмъ
Ихъ поносить; пировъ я избѣгаю
И дружбы съ недостойными людьми
Не завожу, а потому ты можешь
Довѣриться мнѣ смѣло. (*Слышны возгласы*).

Брутъ.

Что за крики?
Боюсь я, что Цезаря народъ
Провозгласитъ царемъ.

Кассій.

Боишься ты, -
Такъ, вѣрно, этого ты не желаешь?

Брутъ.

О, нѣтъ, хоть крѣпко я люблю его...
Но ты зачѣмъ меня такъ долго держишь?
Скажи ты мнѣ, что сообщить хотѣлъ...
Коль рѣчь твоя общественнаго блага
Коснется, и ты выборъ мнѣ предложишь
Межъ честью или смертью - выборъ мой,
Повѣрь, не долго ждать себя заставить:
Я честь люблю, то знаете вы, боги,
И къ ней любовь сильнѣе страха смерти!

Кассій.

Я знаю, Брутъ, что эта добродѣтель
Въ твоей душѣ, и потому о чести
Съ тобою я бесѣду поведу.
Не знаю я, какъ думаютъ другіе
И ты объ этой жизни, но по мнѣ
Отраднѣе не жить, чѣмъ трепетать
Предъ существомъ, что вамъ во всемъ подобно.
Мы родились свободными, какъ Цезарь;
Мы одинаково вскормлены, какъ и онъ,
Переносить мы можемъ зимній холодъ.
Мнѣ помнится, однажды въ бурный день,
Когда ревуцій Тибръ, покрытый пѣной,
Изъ береговъ рвался въ остервененьи,
Мнѣ Цезарь такъ сказалъ: «Дерзнешь ли, Кассій,
Ты броситься въ клокочущія волны
И плыть со мной къ условленному мѣсту?»
Ни слова не сказавъ, совсѣмъ одѣтый,
Я бросился въ бушующую рѣку
И крикнулъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за мною.
Поплылъ и онъ. Ревѣлъ и злился Тибръ.
Мы мощными руками разсѣкали

Клубящіяся волны, отъ себя
Отбрасывая ихъ въ борьбѣ тяжелой.
Но вотъ вдругъ Цезарь, цѣли не достигнувъ,
Мнѣ закричалъ: «О, Кассій, помоги!
Иль я пойду ко дну!» Къ нему подплылъ я
И Цезаря, что выбился изъ силъ,
Я вытащилъ изъ волнъ ревущихъ Тибра,
Какъ нѣкогда великій предокъ нашъ,
Эней, изъ Трои вынесъ на плечахъ
Анхиза престарѣлаго. Теперь
Онъ богомъ сталъ, и жалкій Кассій долженъ
Сгибаться передъ нимъ, когда небрежно
Ему кивнуть угодно головой.
Въ Испаніи, когда онъ въ лихорадкѣ
Лежалъ, во время приступовъ ея

163

Онъ весь дрожалъ; да, этотъ богъ дрожалъ!
Съ его трусливыхъ губъ сбѣжала краска,
И взоръ, что цѣлый міръ приводитъ въ трепеть,
Совсѣмъ померкъ. Я слышалъ, какъ стоналъ онъ;
Его уста, которыхъ изреченья
Записываютъ римляне, шептали
Такъ жалобно, какъ дѣвочка больная:
«Титиній, дай мнѣ пить». Я удивляюсь,
О, боги, что такой тщедушный смертный
Повелѣваетъ міромъ и одинъ
Надъ всѣми первенствуетъ.

Брутъ.

Снова крики!

Въ нихъ вижу доказательство того,
Что почестями новыми народъ
Осыпалъ Цезаря.

Кассій.

Онъ, какъ колоссъ
Загромоздилъ нашъ узкій міръ собою,
А мы, созданья жалкія, снуемъ
Межъ ногъ его громадныхъ и пугливо,
Глядя кругомъ, могилъ безславныхъ ищемъ!..
Повѣрь мнѣ, Брутъ, что можетъ человѣкъ
Располагать судьбой, какъ хочетъ.
Не въ звѣздахъ, нѣтъ, а въ насъ самихъ ищи
Причину, что ничтожны мы и слабы.

Поставимъ рядомъ Цезаря и Брута –
Что жъ въ Цезарѣ особеннаго есть?
Зачѣмъ, ты объясни мнѣ, это имя
Должны мы слышать чаще твоего?
Ихъ рядомъ напиши - они другъ другу
Въ красѣ не уступаютъ; рядомъ ихъ
Произнеси - и оба благозвучны;
Коль взвѣсишь ихъ - и оба полнозвѣсны.
Ты ими заклинай - и такъ же сильно
Подѣйствуетъ на чувства имя Брута,
Какъ имя Цезаря. Скажите, боги,
Какою же невѣдомою пищею
Питается нашъ Цезарь, что такъ скоро
И такъ ужасно выросъ? Жалкій вѣкъ!
Ты опозоренъ, Римъ! Утратилъ ты
Способность создавать мужей великихъ!
Случилось ли хоть разъ, отъ дней потопа,
Чтобъ поколѣнье цѣлое людей
Прославилось однимъ лишь человѣкомъ?
До сей поры сказалъ ли кто-нибудь,
Что одного лишь мужа славный Римъ
Въ стѣнахъ своихъ обширныхъ заключаетъ?
Теперь же - это истина. О Римъ!
Имя одного лишь человѣка,
Ты опустѣлъ! А отъ отцовъ и дѣдовъ
Слыхали мы, что жилъ когда-то Брутъ,
Который, словно чорта, властелина
Не потерпѣлъ бы въ Римѣ.

Брутъ.

Я нисколько

Въ твоей любви не сомнѣваюсь, Кассій.
Отчасти я угадываю то,
Къ чему ты хочешь приготовить...
Что думаю о нашемъ положеньи -
Я сообщу тебѣ въ другое время;
Теперь же не разстраивай меня;
Обдумаю, что сказано тобою,
И выслушать готовъ, что остается
Тебѣ сказать. Чтобъ говорить о дѣлѣ,
Удобнѣе должны мы выбрать время,
А до того довольствуйся и этимъ.
Такіе мы переживаемъ дни
И столько бѣдъ мнѣ видится въ грядущемъ,
Что мнѣ отраднѣй было бъ превратиться

Въ простого селянина, чѣмъ носить
Названье сына Рима!

Кассій.

Счастливъ я,
Что слабыми словами могъ извлечь
Хоть искру изъ души великой Брута.

Брутъ.

Оконченъ бѣгъ; идетъ обратно Цезарь.

Кассій.

Когда онъ будетъ мимо проходить
Со свитой, Каску дерни за рукавъ -
И онъ съ обычной желчностью расскажетъ
Все то, что было важнаго сегодня.

(Цезарь со свитой возвращается).

Брутъ.

Такъ сдѣлаю. На Цезаря взгляни:
Его чело и пасмурно, и гнѣвно;
А остальные идутъ, какъ рабы,
Что выговоръ тяжелый получили.
Кальфурнiя блѣдна, и Цицеронъ
Такія искры мечетъ изъ очей,
Какъ это мы видали въ Капитольи,
Когда ему противорѣчить смѣетъ
Какой-нибудь сенаторъ.

Кассій.

Это все

Намъ Каска разъяснить.

Цезарь.

Антоній!

Антоній.

Здѣсь я.

Цезарь.

Вокругъ себя желаю я имѣть

164

Людей лишь тучныхъ, съ гладкою прической
И ночью мирно спящихъ. Посмотри,
Какъ Кассій истощенъ и худъ. Опасны
Такіе люди.

Антоній.

Не бойся, Цезарь:

Онъ благороденъ и благонамѣренъ.

Цезарь.

Желалъ бы я, чтобъ онъ тучнѣе былъ;
Но не боюсь его. Когда бъ со страхомъ
Я былъ знакомъ, никто не могъ бы мнѣ
Казаться такъ опаснымъ, какъ сухой
И злобный Кассій. Много онъ читаетъ
И любитъ наблюдать. Въ сердца людей
Онъ взоромъ проникаетъ и умѣетъ
Угадывать ихъ тайныя желанья.
Не любитъ игръ онъ, вотъ какъ ты, Антоній,
И музыку онъ слушать не охотникъ;
Онъ рѣдко улыбается и, если
Порою улыбнется, то какъ будто
Смѣется надъ собой иль негодуетъ
На то, что въ немъ улыбка пробудилась.
Такіе люди вѣчно недовольны,
Когда есть человѣкъ, что выше ихъ,
И потому они весьма опасны.
Я говорю, чего бояться должно,
Но самъ я не боюсь - я вѣчно Цезарь!
Направо перейди, - на это ухо
Я совершенно глухъ, - и мнѣ скажи,
Что ты, по правдѣ, думаешь о немъ.

(Цезарь и его свита уходятъ. Каска остается).

Каска. Ты дернулъ меня за плащъ: ты, вѣрно, хочешь поговорить со мной?

Брутъ. Да, Каска, расскажи намъ, что случилось сегодня - и почему Цезарь такъ не въ духѣ.

Каска. Зачѣмъ? Вѣдь вы были съ нимъ. Развѣ нѣтъ?

Брутъ. Еслибъ былъ я съ Цезаремъ, я не спрашивалъ бы тебя, что случилось.

Каска. Ему предложили вѣнецъ, и когда онъ былъ ему предложенъ, Цезарь оттолкнулъ его рукою - вотъ такъ, и народъ сталъ выражать свою радость восторженными возгласами.

Брутъ. Почему раздались эти крики во второй разъ?

Каска. По той же причинѣ.

Кассій. Возгласы раздались трижды. По какому случаю слышались они въ послѣдній разъ?

Каска. Все по тому же.

Брутъ. Развѣ три раза предлагали ему вѣнецъ?

Каска. Да, три раза, и каждый разъ онъ все тише и тише отталкивалъ его, и при всякомъ отталкиваньи мои честные сосѣди оглашали воздухъ радостными криками.

Кассій. Кто же предлагалъ ему вѣнецъ?

Каска. Антоній.

Брутъ. Любезный Каска, расскажи намъ обо всемъ этомъ подробно.

Каска. Хоть повѣсьте меня, но всѣхъ подробностей не могу припомнить. Я знаю только, что это была пустѣйшая комедія, на которую я не обратилъ особаго вниманія. Я видѣлъ, что Маркъ Антоній поднесъ ему вѣнецъ, и не совсѣмъ вѣнецъ - а маленькую коронку. Какъ я уже сказалъ, онъ оттолкнулъ его; но мнѣ показалось при этомъ, что онъ это дѣлаетъ не безъ сожалѣнья. Антоній во второй разъ предложилъ ему вѣнецъ, онъ опять его отклонилъ; на этотъ разъ мнѣ показалось, что онъ съ трудомъ отдѣлялъ отъ него свои пальцы. Послѣ этого Антоній въ третій разъ поднесъ ему вѣнецъ, и въ третій разъ онъ отказался отъ него. Послѣ каждаго отказа толпа выражала свою радость неистовыми криками, хлопала своими мозолистыми руками, бросала вверхъ пропитанные потомъ колпаки и такъ заразила воздухъ своимъ зловоннымъ дыханіемъ по случаю того, что Цезарь отказывается отъ вѣнца, что Цезарь почти задохся: онъ лишился чувствъ и упалъ. Что касается меня, я не смѣялся только отъ того, что боялся надыхаться зараженнымъ воздухомъ, если открою ротъ.

Кассій. Ты говоришь, что съ Цезаремъ сдѣлалось дурно?

Каска. Да, онъ упалъ на площади съ пѣною у рта, и у него отнялся языкъ.

Брутъ. Это весьма возможно: онъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни.

Кассій. Нѣтъ этой болѣзни у Цезаря: но мы всѣ - и ты, и я, и честный Каска - подвержены ей.

Каска. Я не знаю, что ты хочешь этимъ сказать: но я увѣренъ въ томъ, что Цезарь упалъ. И я тебя увѣряю, что чернь рукоплескала ему и шикала совершенно такъ, какъ она это дѣлаетъ съ актерами въ театрѣ, смотря по тому, какъ ей нравилась его игра.

Брутъ. Что онъ сказалъ, очнувшись?

Каска. Еще до паденья, когда онъ замѣтилъ, что народъ радуется его отказамъ, онъ раскрылъ воротъ своего платья и предложилъ перерѣзать ему горло. Будь я ремесленникомъ, я скорѣе бы согласился

165

отправиться въ адъ со всякими злодѣями, чѣмъ не исполнить немедленно его предложенія. Потомъ онъ упалъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ попросилъ прощенія у высокаго собранья, если сказалъ или сдѣлалъ что нибудь неподходящее, надѣясь, что оно припишетъ это его болѣзни. Три или четыре шлюхи, что стояли подлѣ меня, воскликнули: «О, добрая душа», и простили его отъ всего сердца. Но это еще не имѣетъ большого значенія, такъ какъ онѣ сдѣлали бы то же самое, если бы даже Цезарь умертвилъ и матерей ихъ.

Брутъ.

И опечаленный оставилъ игры онъ?

Каска. Да.

Кассій. Не говорилъ ли Цицеронъ?

Каска. Да, но только по-гречески.

Кассій. По какому же случаю?

Каска. Этого я ужь никакъ не могу объяснить; но тѣ, которые понимали его, улыбались, покачивая головами; для меня же это было греческой тарабарщиной. Вотъ еще новость: Маруллу и Флавію рты зажали за то, что они срывали украшенья съ изображеній Цезаря. Прощайте. Я бы могъ сообщить еще много глупаго, что было тамъ надѣлано, да всего не припомнишь.

Кассій. Не хочешь ли поужинать со мной сегодня ночью, Каска?

Каска. Нѣтъ, не могу - я отозванъ въ другое мѣсто.

Кассій. Такъ не придешь ли завтра къ обѣду?

Каска. Изволь, если буду живъ, а у тебя не пройдетъ охота; но закажи такой обѣдъ, которымъ бы стоило позаняться.

Кассій. Такъ я буду ждать тебя завтра.

Каска. Хорошо. Прощайте оба.

(Уходитъ.)

Брутъ.

Какъ неуклюжъ онъ сталъ; а помнишь, въ школѣ
Какой онъ былъ живой и шустрый малый?

Кассій.

Таковъ онъ и теперь, когда участие
Онъ въ благородномъ дѣлѣ принимаетъ.
А эту неуклюжесть на себя
Накидываетъ только; въ ней приправа
Къ его островамъ желчнымъ; съ нею легче
Его слова переварить порою.

Брутъ.

Быть можетъ, такъ. Прощай. Коль хочешь, завтра
Къ тебѣ приду, чтобъ говорить о дѣлѣ.
Иль ты приди; я буду ждать тебя.

Кассій.

Приду къ тебѣ. А ты о томъ подумай,
Какимъ сталъ свѣтъ. *(Брутъ уходитъ.)*

Ты благородень, Брутъ,

Но и тебя возможно отклонить
Отъ твоего прямого назначенья;
Поэтому-то честнымъ людямъ надо
Сближаться лишь съ подобными себѣ.
Кто столько твердъ, что выше оболъщеній?
Меня не терпитъ Цезарь. Брута же онъ любить.
И еслибъ былъ я Брутомъ, а мною - онъ,
Увѣренъ я, не могъ бы онъ меня
На свой настроить ладь. Я въ окна Брута
Хочу подбросить нѣсколько записокъ,
Написанныхъ различно, чтобъ онъ думалъ,
Что разные ихъ граждане прислали.

Во всѣхъ упомяну я о надеждахъ,
Что возлагаетъ Римъ на имя Брута,

166

Съ намеками неясными на то,
Какъ властолюбье Цезаря опасно!
Мы ждемъ, о, Цезарь! гибели твоей,
Иль сами доживемъ до худшихъ дней!

СЦЕНА III.

Улица.

(Громъ и молнія. Съ разныхъ сторонъ входятъ Цицеронъ и Каска съ обнаженнымъ мечемъ).

Цицеронъ.

А, добрый вечеръ, Каска! Проводилъ ли
Ты Цезаря домой? Но отчего
Такъ трудно дышишь ты, дрожишь отъ страха?

Каска.

А развѣ ты спокойнымъ остаешься,
Когда земля колеблется, какъ море?
О, Цицеронъ! Порой видалъ я бури,
Когда ревущій вихрь валилъ на землю
Столѣтніе дубы; видалъ порою,
Какъ гордый океанъ, вздымаясь гнѣвно,
Старался доплеснуть до грозныхъ тучъ
Дымящуюся пѣну волнъ своихъ;
Но никогда, до этой страшной ночи,
Я огненнаго вихря не видалъ.
Иль небеса въ войнѣ междоусобной,
Или хотять разгнѣванные боги
Разрушить міръ за всѣ его неправды!

Цицеронъ.

Что видѣлъ ты чудеснаго?

Каска.

Недавно

Какой-то рабъ, - его въ лицо ты знаешь, -
Вверхъ поднялъ руку лѣвую свою;
Она съ такою силой запылала,
Какъ если бъ двадцать факеловъ горѣло;
И что жъ - рука осталась невредимой.
На льва наткнулся я, близъ Капитоля
(Съ тѣхъ поръ меча не вкладывалъ я въ ножны);

Онъ на меня взглянулъ и удалился,
Меня не тронувъ. Тутъ наткнулся я
На сотню женщинъ блѣдныхъ, искаженныхъ
Отъ ужаса. Онѣ столпились въ кучу.
Клялися мнѣ, что видѣли людей,
Огнемъ одѣтыхъ съ ногъ до головы,
Что мимо нихъ по улицамъ сновали.
Вчера ночная птица въ самый полдень
На площади усѣлась, оглашая
Окрестности своимъ зловѣщимъ крикомъ.
Когда такъ много видится чудесъ,
Нельзя сказать: «естественны они».
Увѣренъ я, что горе предвѣщаютъ
Они мѣстамъ, въ которыхъ проявились.

Цицеронъ.

Дѣйствительно, все это очень странно;
Но люди, объясняя иногда
По своему явленію природы,
Въ нихъ видятъ то, чего въ нихъ вовсе нѣтъ.
Придетъ ли завтра Цезарь въ Капитолій?

Каска.

Придетъ. Онъ даже поручилъ Антонью
Тебѣ сказать, что будетъ.

Цицеронъ.

Доброй ночи!

Гулять нельзя, когда такъ грозно небо...

Каска.

Прощай! *(Цицеронъ уходитъ. Входитъ Кассій.)*

Кассій.

Кто здѣсь?

Каска.

Сынъ Рима.

Кассій.

Мнѣ сдается,

Что этотъ голосъ - Каски.

Кассій.

Слухъ твой вѣренъ.

Какая ночь, о Кассій!

Кассій.

Людамъ честнымъ

Она пріятна.

Каска.

Кто подумать могъ бы,

Что небеса такъ гнѣвомъ воспылаютъ!

Кассій.

Подумать могъ бы тотъ, кому извѣстно,
Насколько мѣръ бесчестьемъ переполненъ.
Что до меня касается, ходилъ я
По улицамъ и подвергалъ себя
Опасностямъ ужасной этой ночи.
Ты видишь, Каска, грудь я обнажилъ
И подставлялъ ее ударамъ грома,
Когда, синѣя, молніи сверкали
И разверзали небо.

Каска.

О, зачѣмъ
Испытывать ты хочешь небеса?

167

Живущіе должны склоняться въ страхъ
И трепетать, когда ихъ поражаютъ
Предвѣстиемъ бѣдъ разгнѣванные боги.

Кассій.

Ты духомъ палъ; въ тебѣ нѣтъ свѣтлыхъ чувствъ,
Что римлянинъ носить въ груди бы долженъ,
Иль ты скрываешь ихъ? Ты поблѣднѣлъ,
Дрожишь и ужасаешься, глядя
На странное негодованье неба.
Но если бъ ты добрался до причинъ
Всѣхъ этихъ сверхъестественныхъ явленій, -
Блуждающихъ огней, бродящихъ духовъ,
Тѣхъ перемѣнъ, что въ нравахъ замѣчаемъ
Звѣрей и птицъ, тѣхъ странныхъ прорицаній,
Что дѣлаютъ безумцы, старики
И даже дѣти; грозныхъ измѣненій
Законовъ, что природой управляютъ, -
Ты понялъ бы, что указываетъ небо
Тревожными явленьями своими
На положеніе ужасное страны.
Тебѣ назвать могу я человѣка,
Который схожъ со страшной этой ночью:
Онъ молніей сверкаетъ, разражаясь
Громовыми ударами; могилы
Онъ разверзаетъ и рычитъ, какъ левъ,
Что въ Капитоли. Этотъ человѣкъ
Ничѣмъ другихъ людей не превосходитъ,
Но сдѣлался такъ силенъ и такъ грозенъ,

Что сталъ страшнѣй явленій этой ночи.

Каска.

О Цезарѣ ты, вѣрно, говоришь?

Кассій.

Не въ этомъ дѣло. Съ предками своими
Теперешніе римляне сходны
Сложенъемъ и лицомъ, но духъ отцовъ
Въ нихъ не горитъ и духомъ матерей
Онъ замѣнился. Въ гнетѣ ненавистномъ,
Что давитъ насъ, видна женоподобность,
Благодаря которой терпѣливо
Мы все выносимъ.

Каска.

Я отъ многихъ слышала,
Что Цезаря провозгласить царемъ
Сенаторы хотятъ, собравшись завтра.
Вѣнецъ царя вездѣ носить онъ будетъ,
Но только не въ Италиі.

Кассій.

Я знаю:

Будь правда это, гдѣ кинжалъ мой будетъ?
Отъ рабства Кассій Кассія избавитъ.
О, боги! съ этимъ слабый полонъ силъ!
О, боги! этимъ деспотовъ свергають!
Ни каменные башни, ни ограды,
Ни душныя тѣмницы, ни оковы
Не могутъ силу духа обуздать...
И человѣкъ, коль цѣпи слишкомъ тяжки,
Всегда отъ нихъ освободиться можетъ.
Пусть знаетъ цѣлый міръ, какъ я то знаю,
Что рабства грузъ, гнетущій жизнь мою,
Когда хочу, всегда могу я свергнуть.

(Еще одинъ ударъ грома).

Каска.

Могу и я; и самый жалкій рабъ
Имѣетъ власть порвать свои оковы!

Кассій.

Зачѣмъ же Цезарь хочетъ быть тираномъ?
О, бѣдный! Онъ не могъ бы волкомъ быть,
Когда бъ не зналъ, что римляне бараны;
Не сталъ бы львомъ, будь римляне не серны;
Кто хочетъ развести большой огонь,
Сначала жжетъ солому. Жалокъ Римъ
И гнусень, если служить матерьяломъ,

Чтобъ освѣщать ничтожество такое,
Какъ Цезарь! Замолчи, о, голосъ скорби!
Я, можетъ быть, все это говорю
Передъ рабомъ, что цѣпь свою цѣлуетъ;
Тогда я за слова свои отвѣчу.
Но я вооружень и съ равнодушьемъ
Взираю на опасность.

Каска.

Не забудь,

Что съ Каской говоришь ты, съ человѣкомъ,
Что на доносъ всегда смотрѣль съ презрѣньемъ;
Какъ другъ, тебѣ протягиваю руку;
Сбирай людей, чтобъ отвратить бѣду,
И знай: никто такъ не поидеть далеко,
Какъ я.

Кассій.

Союзъ мы можемъ заключить.
Уже я много римлянъ благородныхъ
Склонилъ на предпріятъе, что опасно,
Но вмѣстѣ съ этимъ славно. Всѣ они
Подъ портикомъ Помпея ждутъ меня.
Въ такую ночь ужасную нельзя
По улицамъ ходить, когда стихіи
И пламенны, и грозны, и кровавы,
Какъ дѣло, что хотимъ мы совершить.

168

Каска.

Остерегись, идутъ къ намъ!

Кассій.

Это Цинна -

Я по походкѣ узнаю его.
Его бояться нечего - онъ другъ.

(Входитъ Цинна).

Куда спѣшишь ты, Цинна?

Цинна.

Я тебя

Вездѣ ищу. Съ тобою, вѣрно, Цимберъ?

Кассій.

Нѣтъ, это Каска. Онъ въ союзѣ съ нами.

Цинна

Весьма доволенъ этимъ. Что за ночь!
Двоимъ или троимъ изъ насъ случилось

Свидѣтелями быть явленій страшныхъ.

Кассій.

Что, ждуть меня?

Цинна.

Да, Кассій. Какъ бы надо
Уговорить и Брута къ намъ примкнуть!

Кассій.

Объ этомъ не заботься, добрый Цинна.
Вотъ эту ты записку положи
На преторское кресло, чтобы Брутъ
Ее найти бы могъ. Другую брось
Въ его окно; а эту прилѣпи
Ты воскомъ къ Брута старого статуѣ.
Затѣмъ приди ты къ портику Помпея,
Гдѣ насъ найдешь. Скажи, Требоній тамъ ли
И Децій Брутъ?

Цинна.

Всѣ въ сборѣ, только нѣтъ
Метелла, что послали за тобой.
Сейчасъ твои записки отнесу.

Кассій.

Исполнивши, спѣши въ театръ Помпея.
(Цинна уходитъ).

Мы до разсвѣта Брута посѣтимъ,
Три четверти его ужъ въ нашей власти;
Еще одно свиданье - и онъ нашъ.

Каска.

Его народъ глубоко уважаетъ:
Участіе его въ союзѣ нашемъ
Подѣйствуетъ, какъ бы волшебный жезлъ,
Мгновенно обращая въ добродѣтель,
Что въ насъ могло бъ казаться преступленьемъ.

Кассій.

Ты хорошо его значенье понялъ.
Мы безъ него не можемъ обойтись...
Пойдемъ. Мы до зари разбудимъ Брута,
Чтобы его совсѣмъ уговорить. (Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. Садъ Брута.
(Входитъ Брутъ).

Брутъ.

Проснися, Люцій! По теченью звѣздъ
Я не могу узнать, какъ близокъ свѣтъ...
Проснися, Люцій. Какъ хотѣлъ бы я
Такъ крѣпко спать! Эй, Люцій! Эй, проснись!
(Входитъ Люцій).

Люцій.

Ты звалъ меня?

Брутъ

Въ рабочій мой покой
Поставь свѣтильникъ и, когда зажжешь,
То приходи сказать.

Люцій.

Приказъ исполню. (Уходитъ.)

Брутъ.

Мы съ нимъ должны покончить непремѣнно...
Не для меня нужна его гибель, -
Для блага всѣхъ она необходима...
Вѣнца онъ добивается. На сколько
Его измѣнить онъ - вотъ въ чемъ вопросъ...
При блескѣ дня ехидна выползаетъ, -
И потому мы ходимъ осторожно...
Вѣнчать его? И что жъ? увѣренъ я,
Что мы его снабдимъ опаснымъ жаломъ,
Съ которымъ онъ вредить по волѣ будетъ...
Опасна власть, когда съ ней совѣсть въ ссорѣ;
А Цезарь, если правду говорить,
Разсудку никогда не подчинялъ
Своихъ страстей. Смиренье, какъ извѣстно,
Лишь лѣстница для юныхъ честолюбій;
Кто вверхъ идетъ, лицо къ ней обращаетъ;
Но лишь достигнетъ цѣли, къ ней спиной
Становится и смотритъ въ облака,
Съ презрѣньемъ обращаясь къ тѣмъ ступенямъ,
Что помогли ему наверхъ взобраться.
Такъ Цезарь можетъ сдѣлать; чтобъ не могъ,
Мы это зло должны предотвратить...
Опасности теперь не вижу я;
Но, если мы его усилимъ власть,
Онъ въ крайность бросится. А потому смотрѣть
Мы на него должны, какъ на змѣю,

Что изъ яйца не вышла. Дать ей время
 Увидѣть свѣтъ - и такъ же ядовита
 Она, какъ всѣ другіе змѣи, станетъ,
 Ее убить должны мы въ скорлупѣ.

(Входитъ Люцій).

Люцій.

Зажегъ свѣтильникъ. Подошелъ къ окну,
 Ища кремень, и вотъ нашель письмо;
 Печать на немъ цѣла. Я вѣрно знаю,
 Что не было его, какъ спать пошелъ я.

Бругъ.

Засни опять, еще до свѣта долго.
 Не завтра ли настанутъ иды марта?

Люцій.

Не знаю.

Бругъ.

Посмотри въ календарѣ

И дай отвѣтъ.

Люцій.

Сейчасъ пойду узнать. *(Уходитъ.)*

Бругъ.

Съ такою силой молніи сверкають,
 Что я могу читать при свѣтѣ ихъ. *(Читаетъ.)*

«О, Бругъ! ты спишь! Проснись, приди въ себя!

Ужели Римъ... глаголь, рази, спасай!

О, Бругъ, ты спишь! отъ сна очнуться надо!»

Такія письма съ нѣкоторыхъ поръ
 Подбрасываютъ мнѣ довольно часто...
 «Ужели Римъ...» я такъ дополнить долженъ, -
 Ужели Римъ склонить покорно выю
 Подъ игомъ властелина? Никогда!
 Тарквинья предокъ мой изъ Рима выгналь,
 Когда его царемъ провозгласили...
 «Глаголь, рази, спасай!» Меня зовутъ
 Разить и дѣйствовать. О, Римъ! клянусь,
 Что, если мнѣ спасти тебя придется,
 Рукою Брута ты доволенъ будешь.

(Люцій возвращается).

Люцій.

Четырнадцать дней марта ужъ прошло...

(За сценой стукъ).

Бругъ.

Благодарю! Къ воротамъ поспѣши, -
Стучится кто то. *(Люцій уходитъ)*.

Сна не знаю я

Съ тѣхъ поръ, какъ противъ Цезаря впервые
Меня возстановить старался Кассій...
Сравниться можетъ время, что проходитъ
Межъ совершеньемъ тягостнаго дѣла
И первымъ побужденіемъ къ нему,
Съ тревожнымъ сномъ иль грознымъ привидѣньемъ:
Въ то время духъ и смертныя орудья
Между собою держать совѣщанье,
И организмъ весь человѣка
Подобенъ небольшому государству,
Въ которомъ происходитъ возмущенье.

(Люцій возвращаясь).

Тебя желаетъ видѣть братъ твой, Кассій.

Брутъ.

Одинъ ли онъ?

Люцій.

Нѣтъ, съ нимъ еще другіе...

Брутъ

Ихъ знаешь ли?

Люцій.

Отвѣтить не могу:

Такъ на глаза надвинуты ихъ шапки
И въ тоги такъ закутались они,
Что лица ихъ я разглядѣть не могъ...

Брутъ.

Пускай войдутъ. *(Люцій уходитъ)*.

То заговора члены.

О, заговоръ! тебѣ и ночью стыдно
Свое чело опасное открыть,
Когда все злое движется свободно...
Гдѣ днемъ тебѣ найти такой пріютъ
Настолько мрачный, чтобы спрятать въ немъ
Свое лицо ужасное? Напрасно!
Такого не ищи. Скрывай себя
Улыбками и напускнымъ радушьемъ;
Коль выступишь ты въ настоящемъ видѣ,
То самъ Эребъ своимъ зловѣщимъ мракомъ
Тебя не оградитъ отъ наказанья...

(Входятъ Кассій, Каска, Децій, Цинна, Метелль, Цимберъ и Требоній).

Кассій.

Здорово, Брутъ! Тебя мы безпокоимъ,

Такъ дерзко нарушая твой покой...

Брутъ.

Я часъ какъ всталъ; всю ночь я спать не могъ...

Знакомы ль мнѣ пришедшіе съ тобою?

Кассій

Ты знаешь всѣхъ - и всѣ они тебя

Глубоко уважаютъ. Ихъ желанье,

171

Чтобъ о себѣ ты раздѣлялъ бы мнѣнье

Всѣхъ благородныхъ римлянъ: вотъ - Требоній.

Брутъ.

Я радъ ему.

Кассій.

А вотъ - и Децій Брутъ.

Брутъ.

Ему я также радъ.

Кассій.

Вотъ Каска, Цинна.

А вотъ Метелль и Цимберъ.

Брутъ.

Всѣмъ очень радъ.

Скажите мнѣ, какой заботы тяжелой

Васъ давить гнетъ, что сна лишились вы?

Кассій.

Два слова я хочу тебѣ сказать.

(Брутъ и Кассій шепчутся).

Децій.

Вотъ начинаетъ ужъ востокъ свѣтиться.

Каска.

Ошибся ты.

Цинна.

Не долго утра ждять:

Межъ облаками полосы сѣдыя -

Предвѣстницы зари.

Каска.

Сознайтесь сами,

Что оба ошибаетесь. Заря

Восходитъ ближе къ югу. Тамъ она,

Куда мой мечъ указываетъ, если

Принять въ расчетъ, что лишь начало года.

Два мѣсяца пройдетъ и заниматься

Она немного сѣвернѣе станѣтъ.

Теперь востокъ за самымъ Капитолемъ.

Бругъ.

Поочередно всѣ мнѣ дайте руки.

Кассій.

Нашъ уговоръ должны скрѣпить мы клятвой.

Бругъ.

О нѣтъ! безъ клятвъ! Когда еще намъ мало
Народныхъ бѣдъ и собственнаго горя,
Когда намъ мало тяжкихъ испытаній
Текущихъ дней, то лучше разойдемся
И къ праздному назадъ вернемся ложу.
Пусть царствуетъ надменный произволь,
Пока мы всѣ, по жребью, не погибнемъ.
Но если въ насъ достаточно огня,
Какъ я увѣренъ въ томъ, чтобъ даже труса
Воспламенить во имя общей пользы
И робкимъ женамъ мужества придать,
Скажите мнѣ, сограждане, зачѣмъ
Нуждаться намъ въ стороннемъ побужденіи,
Когда насъ дѣло общее связало
И насъ влечетъ къ возстанью? Намъ порукой
Молчанье римлянъ, что, разъ давши слово,
Не могутъ отступить отъ него.
Къ чему намъ клятвы, если честью чести
Обѣтъ даемъ, что дѣло совершимъ
Иль за него погибнемъ. Пусть клянутся
Жрецы и трусы, слабыя созданья,
Что переносятъ всякія неправды
И шлютъ имъ свой привѣтъ. Такихъ людей,
Что заподозрить можно въ тѣмномъ дѣлѣ,
Вы заставляйте клясться; но, прошу васъ,
Не запятнайте наше предпріятіе,
Нашъ благородный пылъ предположеньемъ,
Что въ клятвѣ мы нуждаемся, чтобъ слово
Свое сдержать. Позорно сыну Рима -
Хоть только часть не совершить того,
Что обѣщаль. Въ рожденіи незаконномъ
Его подозрѣвать всѣ будутъ вправѣ...

172

Кассій.

Какъ думаете вы о Цицеронѣ?

Его не попытать ли? Я увѣренъ,

Что къ намъ въ союзъ съ охотою онъ вступить.

Каска.

Имъ пренебречь не слѣдуетъ.

Цинна.

Конечно!

Метелль.

Серебряные волосы его

Къ намъ привлекутъ общественное мнѣнне

И въ Римѣ намъ сторонниковъ прибавятъ.

Подумають, что нашими руками

Его совѣты мудро управляли,

А также нашу юность и отвагу

Его почтѣнный видъ собой прикроетъ...

Брутъ.

Нѣтъ, на него рассчитывать не надо...

Онъ никогда участія не приметъ

Въ томъ дѣлѣ, что задумано другими.

Кассій.

Такъ нечего заботиться о немъ.

Каска.

Онъ, правда, пригодиться намъ не можетъ.

Децій.

Одинъ ли Цезарь долженъ только пасть?

Кассій.

Вопросъ ты предлагаешь очень кстати...

Я думаю, что будетъ пользы мало,

Коль Маркъ Антоній, Цезаря любимецъ,

Его переживетъ. Мы въ немъ найдемъ

Опаснаго противника. Онъ много

Имѣетъ средствъ, какъ вамъ небезызвѣстно,

Чтобъ намъ вредить. Предупредимъ опасность,

И пусть Антоній съ Цезаремъ падетъ.

Брутъ.

Нѣтъ, проливать не надо столько крови!

Неистовствомъ мы заклеимъ себя,

Коль части тѣла станемъ отрубать,

Снявъ голову; Антоній же не больше -

Какъ Цезаря частица. Принести

Для общаго добра мы можемъ жертву,

Но мясниками намъ позорно быть.

Мы противъ духа Цезаря возстали,

А въ духѣ крови нѣтъ. О, если бъ можно

Покончить съ духомъ Цезаря безъ крови!

Но это невозможно безъ убійства.
Друзья мои, сразимъ его мы смѣло,
Но чужды кровожадности и гнѣва...
Какъ жертву для боговъ, его низложимъ,
Не растерзавъ его, какъ жалкій трупъ,
Что годенъ для собакъ. Пусть сердце наше
Послѣдуетъ примѣру господина,
Что съ хитростью къ убійству подстрекаетъ
Служителей своихъ, затѣмъ для вида
На нихъ же негодуетъ. Черезъ это
Нашъ замыселъ не будетъ ненавистенъ.
А всѣ его сочтутъ необходимымъ
Когда его въ такомъ представимъ свѣтѣ,
Народъ за исцѣлителей насъ приметъ, -
Не за убійцу. Антоній же, повѣрьте,
Заботъ не стоитъ вашихъ. Онъ опасенъ,
Какъ Цезаря рука, когда самъ Цезарь
Лишится головы.

Кассій.

А все жъ онъ страшень, -
Такъ Цезарю глубоко преданъ онъ.

Бругъ.

Повѣрь, о немъ и говорить не стоитъ;
Коль Цезаря онъ любитъ, пусть умретъ
Съ тоски по немъ, - вотъ все, что сдѣлать можетъ...
Онъ даже и на это неспособенъ,
Широкому разгулу предаваясь.

Требоній.

Онъ не опасенъ: пусть себѣ живетъ;
Онъ самъ надъ этимъ послѣ посмѣется...

(Бьютъ часы).

Бругъ.

Постойте, бьютъ часы.

Кассій.

Пробило три.

Требоній.

Намъ время разойтись.

Кассій.

Еще вопросъ,
Оставить ли свой домъ сегодня Цезарь?
Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ суевѣренъ
И мнѣніе свое перемѣнилъ
О предсказаньяхъ, снахъ и привидѣньяхъ...
Таинственные знаменья природы,

Необычайный ужасъ этой ночи
И авгуровъ его увѣщеванья -
Ему придти, быть можетъ, помѣшаютъ
Сегодня въ Капитолій.

Децій.

Будь покоенъ!
Коль онъ придти не хочетъ, я его

173

Заставлю измѣнить свое рѣшенъе.
Онъ часто говоритъ, что носорога
Обманываютъ деревомъ, слона -
Посредствомъ ямы, зеркаломъ - медвѣдя,
Капканомъ - льва, а человѣка - лестью...
Когда жъ я говорю ему, что Цезарь
Льстецовъ не терпитъ, онъ со мной согласенъ,
Не замѣчая, что я льщу ему.
Я знаю, какъ за дѣло надо взяться,
И въ Капитолій приведу его.

Кассій.

Мы всѣ придемъ за нимъ.

Брутъ.

Къ восьми часамъ

Собраться мы должны, никакъ не позже.

Цинна.

Опаздывать не надо.

Метелль.

Кай Лигарій,
За похвалу Помпею, получилъ
Отъ Цезаря тяжелую обиду
И на него взбѣшенъ. Я удивляюсь,
Что мы его забыли.

Брутъ.

Другъ Метелль!

Зайди теперь къ нему; меня онъ любитъ
Не безъ причинъ. Скажи ему, чтобъ онъ
Ко мнѣ пришель; съ нимъ сговорюся я.

Кассій.

Вотъ занялась заря. Оставимъ Брута;

174

Намъ разойтись пора; но не забудемъ,

Что нами здѣсь обѣщано: докажемъ,
Что истые мы римляне.

Брутъ.

Друзья!

И весело, и бодро выступайте,
Чтобъ замысль не обнаружить нашъ...
Какъ римскіе актеры, будьте тверды
И преданы задуманному дѣлу.
Прощайте. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Брута).*

Люцій, спишь? о, наслаждайся

Медвяною росой отдохновенья...
Заботъ не знаешь ты, ни тяжкихъ думъ,
И потому твой сонъ такъ крѣпокъ. *(Входитъ Порція).*

Порція.

Брутъ!

Брутъ.

Что это значитъ, Порція? Зачѣмъ
Такъ рано встала ты? Съ здоровьемъ слабымъ
На свежій воздухъ утра выходитъ
Тебѣ опасно.

Порція

Вредно и тебѣ.

Зачѣмъ тайкомъ мое ты бросилъ ложе?
За ужиномъ вчера ты вдругъ вскочилъ
И зашагалъ по комнатѣ, вздыхая,
Скрестивъ въ раздумьи руки. На вопросъ:
Что сдѣлалось съ тобой? - суровый взглядъ
Ты бросилъ на меня. Когда жъ опять
Тебя спросила я: что это значитъ, -
Ты голову свою руками стиснулъ,
Нетерпѣливо топая ногой.
Я отъ тебя отвѣта не добилась:
Когда свои разспросы продолжала,
Ты гнѣвнымъ мановеніемъ руки
Велѣлъ мнѣ выйти. Я повиновалась,
Боясь твое усилить раздраженье.
Я думала, что просто ты не въ духѣ,
Что иногда случается со всякимъ;
Но ты не ѣшь, не говоришь, не спишь,
И если бы лицо твое подверглось
Такимъ же перемѣнамъ, какъ характеръ,
Тебя узнать я не могла бы, Брутъ.
Твоей печали скрытую причину
Открой мнѣ, повелитель дорогой.

Бругъ.

Я боленъ, вотъ и все.

Порція

Ты слишкомъ мудръ,
Чтобъ противъ нездоровья не принять
Необходимыхъ мѣръ.

Бругъ.

Я это сдѣлалъ.

Вернись къ себѣ и вновь предайся сну.

Порція.

Когда Бругъ боленъ, можно ли ему
Ходить полунагимъ, впивая сырость
Туманнаго разсвѣта? Если Бругъ
Недугомъ одержимъ, зачѣмъ покинулъ
Здоровое онъ ложе, чтобъ простудой,
Что на него навѣтъ холодъ ночи,
Болѣзнь свою усилить? Нѣтъ, не вѣрю...
Душевною заразой боленъ Бругъ;
Я, какъ жена его, имѣла бъ право
Ея причину знать. О, милый Бругъ,
Предъ тобой склоняю я колѣни...
Во имя красоты, которой я
Когда-то славилась; во имя клятвъ,
Что ты передо мною расточалъ;
Во имя насъ навѣкъ соединившей
Великой клятвы, что обоихъ насъ
Въ одно преобразила существо, -
Молю тебя: открой мнѣ скорбь свою.
Скажи, какихъ людей сегодня ночью
Ты принималъ; ихъ было шесть или семь;
Они скрывали лица и во мракѣ.

Бругъ.

Встань, милая.

Порція.

Когда бъ ты былъ, какъ прежде,
Мой милый Бругъ, скажи, зачѣмъ бы мнѣ
Склоняться предъ тобою? Развѣ было
Условіе такое въ нашемъ бракѣ,
Что тайнъ твоихъ я вѣдать не должна?
Ужели для того мы сочетались,
Чтобъ только я и трапезу, и ложе
Съ тобою раздѣляла и была
Порою собесѣдницей твоей?..
Въ предмѣстьяхъ-ли расположеня Бруга

Влачиться я должна? О, если это такъ,
Любовница я Брута, не жена...

Брутъ.

Ты вѣрная и добрая жена -
И такъ же мнѣ мила, какъ капли крови,
Что движутся въ моемъ уныломъ сердцѣ.

Порція.

Будь это правда, я бы тайну знала,
Я женщина, но женщина такая,
Которую Брутъ въ жены выбралъ. Я,
Конечно, женщина; но я Катона дочь
И пользуюсь вездѣ хорошей славой.
Съ такимъ отцомъ и мужемъ, вѣрь мнѣ, Брутъ,
Храбрѣе я и тверже прочихъ женщинъ.

175

Скажи ты мнѣ рѣшенія свои -
И никому я тайны не открою.
Я рану нанесла себѣ въ бедро,
Чтобъ испытать себя. И если въ силахъ
Я перенести безмолвно эту боль,
Мнѣ выдать ли коварно тайну мужа?

Брутъ.

О боги! Я достойнымъ быть хотѣлъ бы
Такой жены. (*Стучатся*).

Какой-то слышенъ стукъ.

Уйди на время, Порція. Ты скоро
Узнаешь тайны сердца моего.
Я выскажу тебѣ свои заботы
И мысли, что меня тревожатъ такъ.
Уйди скорѣй. Кто тамъ стучится, Люцій?

(*Уходитъ Порція, входятъ Люцій и Лигарій*).

Люцій.

Тебя больной какой-то хочетъ видѣть.

Брутъ.

То вѣрно Кай Лигарій, о которомъ
Мнѣ говорилъ Метелль. Оставь насъ, Люцій.
Какъ можешь, Кай? (*Люцій уходитъ*).

Лигарій.

Я слабымъ языкомъ

Привѣтствую тебя.

Брутъ.

О, какъ некстати

Ты заболѣлъ и сталъ носить повязку.

Лигарій.

Не боленъ я, коль подвигъ благородный
Имѣеть Брутъ въ виду.

Брутъ.

Такой имѣю.

Но можешь ли ты выслушать меня?

Лигарій.

Клянусь богами римскаго народа,
Что съ плечъ своихъ стряхаю я болѣзнь.
Мы всѣ тебя зовемъ душою Рима...
Потомокъ храбрый доблестнаго прѣдка,
Ты исцѣлилъ, какъ волхвъ, мой падшій духъ -
И я готовъ идти, куда прикажешь;
Готовъ вступить въ неравную борьбу,
Надеясь на успѣхъ. Скажи, что дѣлать?

Брутъ.

Больнымъ намъ возвратить здоровье надо.

Лигарій.

Здоровому иному не мѣшало бѣ
Послать болѣзнь.

Брутъ.

И это надо сдѣлать.

Дорогой расскажу тебѣ, въ чемъ дѣло.

Лигарій.

Иди жъ - и съ сердцемъ вновь воспламененнымъ
Пойду я за тобой, не зная даже,
Что надо совершить; но мнѣ довольно,
Что Брутъ меня ведетъ.

Брутъ.

За мной иди. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Зала во дворцѣ Цезаря. - Громъ и молнія.
Входитъ Цезарь въ ночномъ одѣяніи.

Цезарь.

Ни небо, ни земля сегодня ночью
Покоя не нашли. Во время сна
Кальфурнія три раза закричала:
«На помощь! Цезаря хотятъ убить!»

Эй, слуги! (*Входитъ слуга*).

Слуга.

Что угодно?

Цезарь.

Сей же часъ

Сказать жрецамъ, чтобъ жертву принесли,
И ихъ отвѣтъ мнѣ сообщить не медля! (*Слуга уходитъ*).

(*Входитъ Кальфурнія*).

Кальфурнія.

Ты выйти собираешься? Сегодня
Не долженъ ты изъ дому отлучаться.

Цезарь.

Я выйду. Мнѣ тогда грозитъ опасность,
Когда я къ ней спиной; но лишь она
Лицо увидитъ Цезаря, то стинѣтъ.

Кальфурнія.

Ты знаешь, Цезарь, я не суевѣрна;
Но страхъ меня беретъ, когда я вспомню,
Что видѣли мы сами нынче ночью...
Ничто, въ сравненьи съ этимъ, тѣ явленья,
Что нынче стража видѣла въ смущеньи!
Средь улицъ Рима львица окотилась...
Могилы разверзались и усопших
Выбрасывали вонь. Средь облаковъ,
Построившись въ ряды и легионы,
По правиламъ военного искусства,
Въ огнѣ сражались всадники, и кровь

176

Текла на Капитолій. Битвы шумъ
Быль ясно слышенъ въ воздухѣ; стонали
Сраженные въ бою - и ржали кони...
По улицамъ сновали привидѣнья
Съ унылымъ воемъ. Такъ необычайны
Явленья эти, что я ихъ страшусь.

Цезарь.

Нельзя того избѣгнуть, что богами
Назначено, - и Цезарь нынче выйдетъ.
Явленья этой ночи угрожаютъ
Настолько жъ мнѣ, насколько и вселенной.

Кальфурнія

Какъ нищій умираетъ - нѣтъ кометы;
Но сами небеса, воспламеняясь,

О смерти государей возвѣщаютъ.

Цезарь.

Трусъ и до смерти часто умираетъ;
Но смерть лишь разъ извѣдываетъ храбрый.
Изъ всѣхъ чудесъ, что видѣлъ я въ природѣ,
Необъяснимѣе всего лишь то,
Что людямъ смерть страшна, хотя всѣ знаютъ,
Что все жъ она придетъ въ свой часъ урочный.

(Входитъ слуга).

Какое мнѣнїе авгуровъ?

Слуга.

Они

Совѣтуютъ тебѣ остаться дома:
Они у жертвы сердца не нашли...

Цезарь.

Явили это знаменіе боги
Лишь для того, чтобъ трусовъ пристыдить:
И въ Цезарѣ самомъ не будетъ сердца,
Коль дома онъ останется изъ страха.
Не быть тому. Опасности извѣстно,
Что Цезарь самъ опаснѣе ея.
Мы съ нею львы, что въ тотъ же день родились:
Я старшій и страшнѣйшій. Выйду нынче.

Кальфурнія.

Увы! самонадѣянность твоя
Напрасно губить мудрости совѣты.
Останься дома. Всѣмъ сказать ты можешь,
Что этому виной моя трусливость.
Антонія къ сенаторамъ пошлемъ;
Онъ скажетъ имъ, что ты сегодня боленъ.
Молю тебя объ этомъ на колѣняхъ.

Цезарь.

Согласенъ я твою исполнить просьбу:
Антонія къ сенаторамъ пошлю.

(Входитъ Децій).

Вотъ Децій Брутъ - онъ передастъ имъ это.

Децій.

Привѣтствую тебя, великій Цезарь!
Я за тобой пришелъ - идти въ сенатъ.

Цезарь.

Ты во-время пришелъ, чтобъ отнести
Сенаторамъ привѣтствіе мое
И имъ сказать, что не приду сегодня;
Что не могу - то лживо; что не смѣю -

То лживѣе еще; скажи имъ просто,
Что не приду.

Кальфурнія.

Скажи, что боленъ онъ.

Цезарь.

Не можетъ Цезарь лгать. Не для того
Онъ шествовалъ вездѣ побѣдоносно,
Чтобъ старикамъ бояться правду молвить...
Имъ передай, что Цезарь не придетъ.

Децій.

Но почему? скажи, могучій Цезарь,
Чтобъ надо мной они не посмѣялись,
Когда я передамъ твои слова.

Цезарь.

Причина та, что этого хочу я, -
И этого довольно для сената.
Но Децію, котораго люблю,
Открою настоящую причину.
Кальфурнія, жена моя, желаетъ,
Чтобъ дома я остался. Ей приснилось,
Что сотнями отверстій, какъ фонтанъ,
Изъ статуи моей лилася кровь,
Что римляне веселою толпою
Въ ней руки омывали, улыбаясь.
И этотъ сонъ ей кажется предвѣстьемъ
Великихъ близкихъ бѣдствій. На колѣняхъ
Не выходитъ она меня просила.

Децій.

Невѣрно истолкованъ этотъ сонъ:
Онъ предвѣщаетъ счастье и успѣхъ:
Изъ статуи твоей струилась кровь,
И римляне въ ней омывали руки, -
То значитъ, что собой великій Римъ
Ты оживишь, что ринутся къ тебѣ
Толпою знаменитѣйшіе люди,
Ища отличій, почестей и славы.
Вотъ то, что этотъ сонъ обозначаетъ.

Цезарь.

Онъ хорошо тобою истолкованъ...

Децій.

Ты убѣдишься въ правдѣ словъ моихъ,
Когда узнаешь, что сенатъ рѣшилъ

Вънецъ царя поднестъ тебѣ сегодня..
И если скажешь ты, что не придешь,
Онъ можетъ измѣнить свое рѣшенъе;
Къ тому жъ, еще сказать въ насмѣшку могутъ:
«Отложимъ засѣданіе сената,
Пока супруга Цезаря увидитъ
Благопріятный сонъ». Коль Цезарь будетъ
Скрываться, то иной, пожалуй, скажетъ,
Что Цезарь струсиль. Изъ любви къ тебѣ
Такъ говорить осмѣливаюсь я...
Прости, что надъ разсудкомъ верхъ беретъ
Моя любовь.

Цезарь.

Какъ мнѣ смѣшны теперъ
Кальфурніи пустыя опасенья...
Мнѣ стыдно, что я ей хотѣлъ поддаться...
Одѣться дайте мнѣ. Иду въ сенатъ!
(*Входятъ Публій, Брутъ, Лигарій, Метелль, Каска, Требоній и Цинна*).
За мной пришелъ и Публій.

178

Публій.

Здравствуй Цезарь!

Цезарь.

Здорово, Публій! Вотъ и ты какъ рано
Поднялся нынче, Брутъ! Привѣтъ мой, Каска!
А вотъ и Кай Лигарій. Лихорадка,
Что такъ съ тобой сурово обошлась,
Враждебнѣ къ тебѣ, чѣмъ Цезарь самъ
Который часъ?

Брутъ.

Пробило только восемь.

Цезарь.

Васъ всѣхъ благодарю я за почетъ...
(*Входитъ Антоній*).

Что вижу! И Антоній между нами,
Хоть въ пиршествахъ всѣ ночи онъ проводитъ
Привѣтъ ему!

Антоній.

И Цезарю привѣтъ!

Цезарь.

Пусть слуги приготовят все, что надо!
Я виноватъ, что ждать васъ заставляю...
Вотъ Цинна, вотъ Метелль, а вотъ Требоній...
Поговорить съ тобою долженъ я,
Не позабудь сюда зайти сегодня
И ближе стань ко мнѣ, чтобъ о тебѣ
Я не забылъ.

Требоній.

Исполню это, Цезарь! (*Въ сторону*).

Такъ близко стану я, что пожалѣютъ
Твои друзья, что не стоялъ я дальше!

Цезарь.

Друзья! вина прошу со мной отвѣдать -
И, какъ друзья, отсюда выйдемъ вмѣстѣ!..

Брутъ (*въ сторону*).

Не такъ, о Цезарь! Думая объ этомъ,
У Брута грудь сжимается отъ боли.

СЦЕНА III.

Улица близъ Капитолія.

(*Входитъ Артемидоръ, читая бумагу*).

Артемидоръ. «Цезарь, остерегайся Брута, избѣгай Кассія, не подходи къ Каскѣ, слѣди за Цинной, не довѣряйся Требонію, замѣчай, что будетъ дѣлать Метелль Цимберъ, тебя не любитъ Децій Брутъ, ты обидѣлъ Кая Лигарія. У всѣхъ этихъ людей только одна забота, и она направлена противъ Цезаря. Если ты не безсмертенъ, то прими мѣры, чтобъ оградить себя отъ нихъ: безнаказанность порождаетъ заговоры. Всемогушіе боги да защитятъ тебя!

Преданный тебѣ Артемидоръ».

Здѣсь на дорогѣ Цезаря я стану,
И, какъ проситель, я вручу ему
Бумагу эту. Больно мнѣ, что доблесть
Всегда живетъ у зависти въ зубахъ...
Прочтешь письмо, о, Цезарь! и спасешься;
А нѣтъ - судьба съ злодѣями въ союзѣ.

СЦЕНА IV.

Другая часть той же улицы передъ домомъ Брута.

(Входятъ Порція и Люцій).

Порція.

Прошу тебя, бѣги скорѣй въ сенатъ.

Не отвѣчай мнѣ и бѣги скорѣй.

Чтожь ты стоишь?

Люцій.

Дай порученье мнѣ...

Порція.

Хотѣла бь я, чтобъ ты уже вернулся,

Приказа моего не дожидаясь...

(Въ сторону). Не измѣняй мнѣ, вѣрность!

Между сердцемъ

И языкомъ моимъ воздвигну гору...

Во мнѣ мужчины духъ, но съ женской силой

Какъ трудно тайну женщинѣ хранить!

Ты здѣсь еще?

Люцій.

Что приказать изволишь?

Скажи, зачѣмъ бѣжать мнѣ въ Капитолій?

Какой отвѣтъ оттуда принести?

Порція.

Здоровъ ли господинъ твой - ты узнай...

Себя онъ дурно чувствовалъ сегодня...

Замѣть, что Цезарь дѣлаетъ и кто

Вокругъ него толпится? Что за шумъ?

Люцій.

Я ничего не слышу.

Порція.

Чу! по вѣтру

Доносится какъ будто схватки гуль

Отъ Капитоля?

Люцій.

Ничего не слышу.

(Входитъ предсказатель).

Порція.

Иди сюда, любезный! Ты откуда?

Предсказатель.

Я изъ дому.

Порція.

Который часъ теперь?

Предсказатель.

Должно быть, часъ девятый.

Порція.

Въ Капитолій

Пошелъ ли Цезарь?

Предсказатель.

Нѣтъ еще. Я вышелъ,

Чтобъ посмотрѣть на шествіе его.

Порція.

Есть у тебя прошеніе?

Предсказатель.

Да, есть,

И, если Цезарь будетъ къ Цезарю такъ добръ,

Я попрошу его быть осторожнѣй.

Порція.

Но развѣ онъ въ опасности?

Предсказатель.

Я многого страшусь. Затѣмъ прости...

Здѣсь мѣсто слишкомъ узко. Такъ всегда

За Цезаремъ снуетъ народа много,

Такъ свита многочисленна его,

Что могутъ задавить до полусмерти

Больного старика. Я постараюсь

Найти просторнѣй мѣсто, чтобъ успѣть

Съ нимъ говорить, когда пройдетъ онъ мимо.

(Уходитъ.)

Порція.

Теперь должна вернуться я домой.

Какъ слабо сердце женщины. О, Бруты!

Молю боговъ, чтобъ помогли они

Исполнить предпріятіе твое.

Едва дышу. Я знаю, что у Брута

Есть просьба, на которую отказомъ

Отвѣтитъ Цезарь. Я дрожу отъ страха...

Бѣги скорѣе, Люцій! Поклонись

Ты Бруту отъ меня; скажи ему,

Что весела я, и съ отвѣтомъ

Немедленно оттуда воротись. *(Уходятъ въ разныя стороны.)*

СЦЕНА I.

Римъ. - Передъ Капитоліемъ. Сенатъ въ засѣданіи. Толпа народа на улицѣ, ведущей къ Капитолію. Въ толпѣ Артемидоръ и предсказатель. Музыка.

Входятъ Цезарь, Бругъ, Кассій, Каска, Децій, Метелль, Требоній, Цинна, Антоній, Лепидъ, Попилій, Публий и др.

Цезарь.

Ну вотъ - и иды марта наступили.

Предсказатель.

Да, Цезарь, но еще не миновали.

Артемидоръ.

Привѣтъ тебѣ! прочти бумагу эту.

Децій.

Требоній также проситъ, чтобы ты

Прочелъ его смиренное прошенье.

Артемидоръ.

О Цезарь! ты мое прочти сначала:

Оно тебя касается. Не медля,

Прочти его.

Цезарь.

Могу прочесть и послѣ,

Коль до меня касается оно.

Артемидоръ.

Прочти его, минуты не теряя!

Цезарь.

Онъ вѣрно обезумѣлъ.

Публий.

Прочь съ дороги!

Кассій.

Зачѣмъ ты подаешь свое прошенье

На улицѣ? Отправься въ Капитолій!

(Цезарь входитъ въ Капитолій; остальные слѣдуютъ за нимъ. Сенаторы встаютъ).

Попилій.

Желаю вамъ сегодня я успѣха!

Кассій.

Успѣха въ чемъ, Попилій?

Попилій.

До свиданья!

(Подвигается къ Цезарю.)

Бругъ.

Что говорилъ тебѣ Попилій Лена?

Кассій.

Онъ пожелалъ, чтобъ наше предпріятъе

Успѣхомъ увѣнчалось. Я боюсь,
Что заговоръ открыть.

Брутъ.

Слѣди за нимъ!

Онъ къ Цезарю подходитъ.

Кассій.

Надо, Каска,

Смѣлѣй разить. Боюсь предупрежденья...
Что дѣлать, Брутъ, коль заговоръ открыть?
Иль Цезарю, иль Кассію домой
Сегодня не вернуться. Коль извѣстѣнъ
Нашъ замысль, я умертвлю себя.

Брутъ.

Не падай духомъ, другъ! Попилій Лена
Не намекалъ на наше предпріятъе.
Ты видишь, онъ съ улыбкой говоритъ -
И Цезарь не мѣняется въ лицѣ.

Кассій.

Требоній намъ усердно помогаетъ:
Антонія онъ въ сторону отводитъ.

(Выходятъ Требоній и Антоній. Цезарь и сенаторы садятся).

Децій.

Но гдѣ же Цимберъ? Надо бы ему
Свое прошенье Цезарю подать.

Брутъ.

Подходитъ онъ; къ нему скорѣй на помощь
Мы двинуться должны.

Цинна.

Ты первый, Каска,
Свою поднимешь руку.

Цезарь.

Всѣ ль готовы?
Чемъ недовольны вы? Какое зло

И Цезарь, и сенатъ должны теперь
Искоренить?

Метелль.

О, всемогущій Цезарь,
Передъ тобой смиренно я склоняюсь.

(Падаетъ на колѣни).

Цезарь.

Тебя предупредить я долженъ, Цимберъ,
Что подлое твое низкопоклонство
И ползанье прійтись по вкусу могутъ
Обыкновенному лишь человѣку,
Что можетъ измѣнять свои рѣшенья,
Ихъ превращая въ дѣтскій произволь.
Не думай, что и Цезарь такъ безуменъ,
Что средствами, достойными глупцовъ,
Слащавыми и льстивыми рѣчами,
Поклонами и ласкою собачьей
Его умаслить можешь. Братъ твой изгнанъ
Законно. Если ты колѣна гнешь
И жалко льстишь, чтобъ я простилъ его, -
Тебя, какъ пса, отталкиваю я.
Не можетъ Цезарь быть несправедливымъ
И безъ причинъ рѣшенья не измѣнить.

Метелль.

Увы! мой голосъ вѣса не имѣеть!
Ужель мой братъ межъ вами не найдетъ
Заступника, что Цезаря упроситъ
Его вернуть изъ дальняго изгнанья?

Бругъ.

О, Цезарь! я твою цѣлую руку,
Но не изъ лести: я прошу тебя
Его вернуть изъ ссылки.

Цезарь.

Какъ, и Бругъ!

Кассій.

Прощенья просимъ мы, прощенья, Цезарь!
Къ ногамъ твоимъ склоняется и Кассій,
О возвращеньи Цимбера прося...

Цезарь.

Будь я подобенъ вамъ, я уступилъ бы.
Смягчиться можетъ тотъ, кто самъ способенъ
Себѣ просить смягченья у другихъ;
Но неизмѣненъ я, какъ неизмѣнна
Полярная звѣзда: она недвижна -
И въ цѣломъ небѣ нѣтъ подобной ей.
На небѣ много звѣздъ; ихъ всѣхъ не счесть,
И всѣ онѣ блестятъ и всѣ мерцаютъ,
Но лишь одна не измѣняетъ мѣста.
Такъ и людей живетъ на свѣтѣ много;
Но люди - плоть и кровь, а потому
Они и переменчивы, и слабы.

Межъ ними знаю я лишь одного,
Который чуждъ минутныхъ колебаній
И вѣчно неизмѣненъ: это - я.
Рѣшивъ изгнанье Цимбера однажды,
Не измѣню я этого рѣшенья...

Цинна.

О, Цезарь!

Цезарь.

Прочь! Олимпа ты не сдвинешь.

Децій.

Великій Цезарь!...

182

Цезарь.

Даже Брутъ напрасно
Передо мной колѣни преклонилъ.

Каска.

Вы, руки, говорите за меня!

(Каска вонзаетъ кинжалъ въ шею Цезаря. Цезарь схватываетъ его за руку; въ это время и другіе заговорщики вонзаютъ въ него кинжалы; послѣднимъ ударяетъ его Маркъ Брутъ).

Цезарь.

И ты, о Брутъ? Такъ умирай же, Цезарь!

(Умираетъ. Сенаторы и народъ въ смятеніи убѣгаютъ.).

Цинна.

Свобода, воля! Нѣтъ тирана больше!

По улицамъ провозглашайте это!

Кассій.

Трибуны занимайте и кричите:

Свобода, воля и освобожденье!..

Брутъ.

Сенаторы и граждане, не бойтесь!

Не обращайтесь въ бѣгство: властолюбною

Мы только оплатили старый долгъ.

Каска.

Иди къ трибунѣ, Брутъ...

Децій.

Ты, Кассій, тоже.

Брутъ.

Гдѣ жъ Публий?

Цинна.

Здѣсь, но потрясенъ глубоко.

Метелль.

Сплотиться мы должны, чтобъ дать отпоръ
Коль Цезаря друзья на насъ нагрянуть...

Бругъ.

Что говорить о томъ! Не бойся, Публий!
Тебѣ вреда мы сдѣлать не хотимъ
И никому изъ римлянъ. Такъ скажи имъ...

Кассій.

Оставь насъ, добрый Публий. Можетъ быть,
Насъ поглотить народная волна
И старости твоей не пощадить,
Какъ будешь съ нами.

Бругъ.

Да, уйди. Отвѣтитъ
Должны лишь тѣ, что дѣло совершили.
(Требоній *возвращается*).

Кассій.

Требоній возвратился. Гдѣ жъ Антоній?

Требоній.

Домой онъ убѣжалъ, объятый страхомъ.
Мужчины, жены, дѣти - всѣ рыдаютъ
И мечутся отъ ужаса, какъ будто
Насталъ конецъ вселенной.

Бругъ.

Мы узнаемъ
Судьбы предназначенья. Всѣмъ извѣстно,
Что смерть удѣлъ живущихъ. Жизнь продлить -
Вотъ вся забота смертныхъ.

Кассій.

Кто похитилъ

У жизни двадцать лѣтъ, похитилъ столько жъ
У страха смерти.

Бругъ.

Если такъ, то смерть
Большое благо, и освободивъ
Отъ страха смерти Цезаря, мы съ нимъ
По дружески, по братски поступили?
Сюда идите, римляне! По локти
Въ его крови свои омоемъ руки
И, обративъ мечи, пойдемъ на площадь,
Кровавыми мечами потрясая,
Пусть всѣ кричатъ: «свобода, миръ и воля!»

Кассій.

Сюда! Сюда! омоемъ руки кровью...
Вѣка пройдутъ и сколько, сколько разъ

Высокое дѣянье нашихъ рукъ
Предметомъ представленія послужить
Средь царствъ грядущихъ дней, среди народовъ
Невѣдомыхъ еще.

Брутъ.

И сколько разъ
По прихоти въ крови склонится Цезарь,
Что здѣсь лежитъ у статуи Помпея,
Какъ жалкій прахъ.

Кассій.

И каждый разъ насъ будутъ
Спасителями родины считать...

Децій.

Пора намъ выступить.

183

Кассій.

Пойдемъ за Брутомъ!
Храбрѣйшіе и лучшіе изъ римлянъ
Пойдутъ за нимъ.

Брутъ.

Къ намъ посланный идетъ,
Антонія сторонникъ.

(Входитъ слуга и становится на колѣни предъ Брутомъ).

Слуга.

Маркъ Антоній,

Мой господинъ, велѣлъ мнѣ передъ Брутомъ
Склонить колѣни и у ногъ его,
Во прахъ распростершись, такъ сказать:
«Брутъ благородень, мудръ и смѣль, и честѣнь,
И Цезарь былъ могуществень и храбрь,
Величественъ и любящъ. Передай,
Что Брута я люблю и почитаю;
Что Цезаря боялся и любилъ,
И уважалъ глубоко. Если Брутъ
Поручится, что можетъ безопасно
Къ нему прійти Антоній, чтобъ узнать
Причину смерти Цезаря, Антоній
Живого Брута болѣе полюбитъ,
Чѣмъ Цезаря усопшаго, и съ Брутомъ
Съ усердіемъ и вѣрностью готовъ
Вступить въ союзъ, съ нимъ раздѣляя вмѣстѣ

Случайности невѣдомой дороги».

Такъ передать велѣлъ мнѣ Маркъ Антоній.

Бругъ.

Онъ римлянинъ и мудрый, и отважный;

Его всегда я почиталъ такимъ...

Скажи ему, что можетъ онъ прійти,

Что на его вопросы я отвѣчу

И честью поручаюсь, что ему

Не сдѣлаютъ вреда.

Слуга.

Схожу за нимъ. (*Уходитъ.*)

Бругъ.

Я знаю, что онъ будетъ нашимъ другомъ...

Кассій.

Я этого желалъ бы; но его

Невольно опасуюсь и наврядъ ли

184

Предчувствіемъ обмануть буду я.

(*Входитъ Антоній.*)

Бругъ.

Но вотъ и онъ. Антонію привѣтъ!

Антоній.

О мощный Цезарь, ты лежишь во прахѣ!

Предъ славою твоихъ завоеваній,

Триумфовъ и побѣдъ склонялся міръ -

И что жъ ты сталъ теперь? лишь горстью праха...

Прости, прости!

Патриціи, не знаю,

Что дѣлать вы намѣрены? кого

Приговорить еще рѣшили къ смерти?

Когда меня хотите умертвить,

То времени пристойнѣй не найдете,

Чѣмъ часъ кончины Цезаря; оружья -

Пригоднѣе того, что обагрилось

Чистѣйшею и лучшей кровью въ мірѣ...

Коль вы меня считаете опаснымъ,

Я умоляю васъ со мной покончить,

Пока дымятся кровью ваши руки.

Живи я сотни лѣтъ - и все не буду

Такъ приготовленъ къ смерти, какъ теперь.

Гдѣ лучше пасть, чѣмъ тамъ, гдѣ Цезарь палъ

Отъ рукъ людей, что вѣкъ нашъ прославляютъ!

Брутъ.

Антоній, ты отъ насъ не требуй смерти!
Ты судишь насъ по дѣлу нашихъ рукъ;
Мы кажемся жестокими тебѣ
И алчущими крови; но ты видишь
Лишь наши руки и дѣянье ихъ;
Сердца же наши скрыты отъ тебя.
Въ нихъ дышатъ состраданіе и жалость;
Огонь уничтожается огнемъ,
И состраданье губить состраданье;
Мы, изъ участья къ римскому народу,
Къ его страданьямъ, Цезаря убили...
Но ты не бойся насъ. Мы для тебя
Имѣемъ лишь свинцовые мечи
И дружелюбно простираемъ руки
Къ Антонію, его считая братомъ,
Котораго мы чествуемъ и любимъ.

Кассій.

Въ раздѣлѣ новыхъ почестей участие
Ты примешь наравнѣ со всѣми нами.

Брутъ.

Толпу дай только время успокоить,
Которая волнуется отъ страха,
И я тебѣ открою, почему
Я Цезаря убилъ, его любя.

Антоній.

Я въ мудрости не сомнѣваюсь вашей -
И каждому изъ васъ кровавую жму руку...
Сначала Бруту, Кассію затѣмъ,
Метеллу, Циннѣ, Децію, тебѣ,
Отважный Каска, и тебѣ, Требоній;
Послѣднему тебѣ пожалъ я руку,
Но не послѣдній ты въ любви моей!..
Патриціи, что вамъ могу сказать?
Значеніе мое такъ пошатнулось
И на такой вступило скользкій путь,
Что я боюсь вамъ показаться трусомъ
Или льстецомъ. Что я любилъ тебя,
О Цезарь! это правда! Если ты
На насъ теперь зриаешь, хуже смерти
Покажется тебѣ, что твой Антоній,
Съ убійцами твоими примиряясь,
Кровавыя ихъ руки пожимаетъ
Передъ твоимъ, лежащимъ въ прахѣ трупомъ...

Великій! если бѣ столько глазъ имѣлъ я,
Какъ ты зловѣщихъ ранъ, и столько слезъ
Текло изъ нихъ, какъ крови изъ тебя, -
Мнѣ во сто кратъ отраднѣй было бѣ это,
Чѣмъ съ Цезаря врагами быть въ союзѣ!
Прости меня, о, Юлій! Здѣсь ты палъ,
Олень неустрашимый! Здѣсь же рядомъ
Стоять тебя заклавшіе. Ты палъ;
Но смерть твоя ихъ заклеимитъ позоромъ.
И этой крови имъ не смыть съ себя.
Вселенная! Ты этому оленю
Служила лѣсомъ, что собой онъ красилъ, -
И вотъ, сраженный сборищемъ ловцовъ,
Лежитъ онъ недвижимо.

Кассій.

Маркъ Антоній!..

Антоній.

Ты долженъ извинить меня, Кай Кассій:
О Цезарѣ такъ скажутъ и враги, -
О немъ сказать не можетъ меньше другъ.

Кассій.

Я не хую тебя за тѣ хвалы,
Что Цезарю даришь ты, но желаю
Узнать, какой союзъ мы заключили?
Тебя считать ли другомъ, или намъ
Идти своей дорогой, безъ тебя?

Антоній.

Зачѣмъ же я вамъ руку протянулъ?
Отвлекся я, на Цезаря взглянувъ,
Но я вашъ другъ и всѣхъ я васъ люблю
Въ надеждѣ той, что вы мнѣ объясните,
Чѣмъ былъ опасенъ Цезарь и кому?

Брутъ.

Не будь причинъ, убійство было бѣ звѣрствомъ;

185

Но много ихъ и всѣ онѣ такъ вѣски,
Что будь ты сыномъ Цезаря, и то
Онѣ тебя могли бы убѣдить...

Антоній.

Лишь этого отъ васъ я добиваюсь.
Еще прошу, чтобъ разрѣшили мнѣ
На площадь трупъ перенести его...

Его почтить хочу надгробнымъ словомъ
Съ трибуны такъ, какъ другу подобаеть.

Брутъ.

На это мы согласны, Маркъ Антоній!

Кассій.

Два слова, Брутъ. *(Тихо)*.

Не надо соглашаться...

Не знаешь ты, что дѣлаешь. Народъ
Онъ можетъ взволновать надгробнымъ словомъ.
Извѣстно ли тебѣ, о чемъ онъ рѣчь
Намѣренъ повести?

Брутъ.

Не бойся, Кассій...

Съ трибуны говорить я буду первый...
И изложу причины, по которымъ
Мы Цезаря убили. Я прибавлю,
Что съ нашего согласья говорить
Антоній будетъ и что мы желаемъ,
Чтобъ Цезаря съ почетомъ хоронили...
Повѣрь, что это больше принесетъ
Намъ пользы, чѣмъ вреда.

Кассій.

Все жъ въ этомъ мало

Хорошаго я вижу.

Брутъ

Маркъ Антоній,

Трупъ Цезаря возьми! Не долженъ ты
Насъ осуждать въ своемъ надгробномъ словѣ;
Но Цезаря хвали ты сколько хочешь,
Прибавивъ, что на это мы согласны.
Коль нашего условья не исполнишь,
Участвовать не будешь въ погребеньи.
Ты долженъ говорить съ трибуны той же,
Гдѣ буду я, когда окончу рѣчь.

Антоній.

Пусть будетъ такъ. Мнѣ большаго не надо.

Брутъ.

Такъ приготовь же трупъ и къ намъ приди.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Антонія).

Антоній.

Прости меня, кровоточащій прахъ,
Что ласковъ я и нѣженъ съ палачами!
Такого мужа міръ еще не видѣлъ!

Проклятье тѣмъ, что въ прахъ его повергли!
Кровавыя его зіяють раны,
Какъ устъ нѣмыхъ алѣющія губы.
И слышу я пророческій ихъ гласъ:
Проклятье разразится надъ народомъ;
Италія дымиться будетъ кровью
Отъ войнъ междоусобныхъ и раздоровъ;
Такъ будетъ много крови пролито,
Ужасное такъ станетъ обыденно,
Что матери смотрѣть съ улыбкой будутъ,
Какъ на войнѣ дѣтей ихъ четвертують...
Отъ частыхъ звѣрствъ, отъ частыхъ преступленій
Въ сердцахъ людей изсякнѣтъ состраданье.
Духъ Цезаря, о мщеніи взывая,
Съ Гекатою, царицей мрачной ада,
Надъ этою страной носиться будетъ,
Къ убійству призывая гласомъ мощнымъ
И псовъ войны спуская, чтобъ весь міръ
Узналъ объ этомъ гнусномъ злодѣяньи
По смраду тѣлъ, лишенныхъ погребенья...
(Входитъ слуга).

Октавію ты служишь?

186

Слуга.

Да, Антоній.

Антоній.

Ему письмо послалъ недавно Цезарь.

Слуга.

Письмо онъ получилъ и скоро будетъ.

Тебѣ жъ велѣлъ изустно передать...

(Увидя трупъ Цезаря.)

О, Цезарь!

Антоній.

Печалью переполненъ ты -

Такъ отойди и плачь. Въ слезахъ зараза:

Въ твоихъ глазахъ увидѣвъ жемчугъ скорби,

И я сдержать рыданій не могу.

Твой господинъ далеко ли?

Слуга.

Семь миль,

Не болѣе, ему пройти до Рима.

Антоній.

Спѣши назадъ и передай ему,
Что здѣсь произошло. Скажи, что Римъ
Въ уныньѣ погруженъ; что Римъ опасенъ
И вѣрнаго убѣжища теперъ
Октавию дать не можетъ. Нѣтъ, стой!
Сначала трупъ перенесемъ на площадь...
Съ народомъ я намѣренъ говорить,
Чтобы узнать, какое мнѣнъе гражданъ
О гнусномъ злодѣяннѣ кровопійцѣ.
По этому судя, ты передашь
Октавию о положеннѣ дѣлѣ.
Теперъ же помоги мнѣ трупъ убрать.

(Уходятъ, унося трупъ Цезаря).

СЦЕНА II.

Форумъ.

Входятъ Брутъ и Кассій съ толпою гражданъ.

Граждане.

Мы объясненій требуемъ отъ васъ!

Брутъ.

Такъ слѣдуйте за мной, друзья мои,
Чтобъ выслушать меня. Толпу раздѣлимъ.
Ты, Кассій, на другую площадь стань.
Пусть тѣ здѣсь остаются, что хотять
Услышать Брута; пусть идутъ другіе
За Кассіемъ. Мы объяснимъ народу
Причину смерти Цезаря.

1-й гражданинъ
Я Брута

Послушаю.

2-й гражданинъ.

За Кассіемъ пойду я.

Обоихъ услыхавъ, вѣрнѣе можно
Ихъ доводы и объясненья взвѣсить...

(Уходитъ Кассій съ частью гражданъ; Брутъ всходитъ на трибуну).

3-й гражданинъ.

Молчанье! На трибуну всходитъ Брутъ...

Брутъ. Я прошу васъ меня выслушать терпѣливо до конца. Римляне, сограждане и друзья! Слушайте мою защиту и не нарушайте тишины, чтобъ вы могли слышать мои слова. Вѣрьте мнѣ, не сомнѣваясь въ моей чести, и заплатите дань уваженья моей чести для того, чтобъ вамъ можно было мнѣ повѣрить. Судите меня, соображаясь съ вашимъ разумѣніемъ, и напрягите все ваше вниманіе, чтобъ справедливѣе произнести свой судъ. Если въ этомъ собраніи есть хоть одинъ истинный другъ Цезаря, то я скажу ему: любовь Брута къ Цезарю не уступаетъ его любви. Если этотъ другъ спроситъ: зачѣмъ же Брутъ вооружился противъ Цезаря? Вотъ - мой отвѣтъ: не оттого я это сдѣлалъ, что любилъ Цезаря меньше, но лишь оттого, что любилъ Римъ больше. Что было бы для васъ лучше: видѣть Цезаря живымъ и умереть рабами, иль видѣть Цезаря мертвымъ и жить всѣмъ свободными гражданами? Такъ какъ Цезарь меня любилъ, я лью слезы о немъ; такъ какъ успѣхъ улыбался ему, я радовался этому; такъ какъ онъ былъ отваженъ, я чествую его; такъ какъ онъ былъ властолюбивъ, я убилъ его. Я лью слезы за его любовь, я привѣтствую радостью его удачи, я чествую его за его доблести; за властолюбіе же онъ поплатился смертью. Есть ли между вами такой низкій человѣкъ, что желаетъ быть рабомъ? Если есть такой, пусть отвѣтитъ: я только его оскорбилъ. Есть ли между вами такой дикарь, что не желаетъ быть римляниномъ? Если такой найдется, пусть отвѣтитъ: я только его оскорбилъ. Есть ли между вами человѣкъ столь гнусный, что не любитъ своей родины? Если есть такой, пусть отвѣтитъ: только его я оскорбилъ. Я прерываю рѣчь, ожидая вашего отвѣта...

Граждане. Брутъ, между нами такого нѣтъ!

Брутъ. Въ такомъ случаѣ я никого не оскорбилъ. Я такъ поступилъ съ Цезаремъ, какъ и вы поступили бы съ Брутомъ. Въ

187

Капитоліи записаны причины, побудившія убить Цезаря безъ умаленія его славы и достоинствъ, а также безъ преувеличенія вины, за которую онъ заслужилъ смерть. Вотъ и трупъ его, сопровождаемый Антоніемъ. *(Входятъ Антоній и другіе, неся трупъ Цезаря)*. Онъ не участвовалъ въ его убіеніи, но воспользуется, однакожъ, его смертью, такъ какъ займетъ мѣсто въ республикѣ; и кто бы изъ васъ этого не сдѣлалъ? Сказавъ это, я удаляюсь. Для блага Рима я умертвилъ своего лучшаго друга и сохраняю кинжалъ, который я вонзилъ въ него, чтобъ имъ нанести себѣ смерть, если въ ней будетъ нуждаться моя отчизна.

Граждане.

Живи, о, Брутъ! Живи, живи!

1-й гражданинъ.

Съ триумфомъ

Его домой намъ слѣдуетъ вести.

2-й гражданинъ.

Мы памятникъ должны воздвигнуть Бруту

И съ предками его поставить рядомъ.

3-й гражданинъ.

Пусть Цезаремъ онъ будетъ!

4-й гражданинъ.

Увѣнчаемъ

Въ немъ Цезаря все лучшее.

1-й гражданинъ.

Домой

Его проводимъ, воздухъ оглашая

Привѣтственными криками.

Брутъ.

Сограждане!

2-й гражданинъ.

Молчите! Брутъ опять заговорилъ...

1-й гражданинъ.

Молчите всѣ.

Брутъ.

Сограждане мои!

Торжественныхъ мнѣ проводовъ не надо...

Одинъ пойду; но изъ любви ко мнѣ

Я васъ прошу съ Антоніемъ остаться

И выслушать его. Похвальнымъ словомъ

Онъ хочетъ память Цезаря почтить

И получилъ на то согласье наше.

Я васъ прошу не уходить, пока

Антоній не окончилъ рѣчь свою...

(Уходитъ).

1-й гражданинъ.

Останемся - Антонія послушать.

3-й гражданинъ.

Пусть онъ займетъ трибуну. Мы готовы

Его послушать. Начинай, Антоній.

Антоній.

Я, Брута ради, васъ благодарю.

4-й гражданинъ.

Что онъ сказалъ о Брутѣ?

3-й гражданинъ.

Онъ сказалъ,

Что насъ благодарить во имя Брута.

4-й гражданинъ.

Почтительно совѣтую ему

О Брутъ отзываться.

1-й гражданинъ.

Цезарь былъ

Властолюбивый деспотъ.

3-й гражданинъ.

Счастливь Римъ,

Что отъ него избавился на вѣки.

2-й гражданинъ.

Послушаемъ, что скажетъ

Маркъ Антоній.

Антоній.

О, римляне!

Граждане.

Послушаемъ его!

Антоній.

О, римляне, сограждане, друзья!

Меня своимъ вниманьемъ удостойте!

Не восхвалять я Цезаря пришелъ,

Но лишь ему послѣдній долгъ отдать...

Дѣла людей, порочныя и злыя,

Переживаютъ ихъ и часто также

То доброе, что сдѣлали они,

Съ костями ихъ въ могилу погребаютъ.

Пусть съ Цезаремъ такъ будетъ. Честный Брутъ

Сказалъ, что Цезарь былъ властолюбивъ...

То былъ большой порокъ, коль это вѣрно,

И за него онъ тяжело заплатился.

Я, съ разрѣшенья Брута и другихъ,

Пришелъ сюда, чтобъ Цезаря почтить

Надгробнымъ словомъ. Брутъ и всѣ они -

Почтѣнные и доблестные люди.

Мнѣ Цезарь другомъ былъ, и вѣрнымъ другомъ;

Но Брутъ его зоветъ властолюбивымъ,

А Брутъ - достопочтѣнный человѣкъ.

Онъ плѣнныхъ приводилъ толпами въ Римъ

Ихъ выкупомъ казну обогащая.

Не это ли считать за властолюбье?

При видѣ нищеты онъ слезы лиль, -

Такъ мягко властолюбье не бываетъ,

Но Брутъ зоветъ его властолюбивымъ,

А Брутъ - достопочтенный человѣкъ.

Вы видѣли, во время Луперкалій,
Я трижды подносилъ ему вѣнецъ -
И трижды отъ него онъ отказался.
Ужель и это властолюбье?
Но Брутъ его зоветъ властолюбивымъ,
А Брутъ - достопочтенный человѣкъ.
Не для того я это говорю,
Чтобъ Брута опровергнуть; я хочу
Лишь высказать предъ вами то, что знаю...
Не безъ причинъ его любили вы.
Зачѣмъ же вы не плачете о немъ?
О здравый смыслъ! Къ звѣрямъ ты вѣрно скрылся,
А люди потеряли свой разумъ...
Мое тамъ сердце, гдѣ почіеть Цезарь,
И рѣчь свою я долженъ перервать,
Пока опять я не прійду въ себя...

1-й гражданинъ.

Мнѣ кажется; въ его словахъ есть правда...

2-й гражданинъ.

Какъ дѣло хорошо пообсудить,
Съ нимъ обошлись совсѣмъ несправедливо...

3-й гражданинъ.

И я того же мнѣнья. Можетъ быть,
Его заступитъ мѣсто еще худшій...

4-й гражданинъ.

Вы слышали, вѣнца онъ не принялъ.
Такъ почему жъ онъ былъ властолюбивъ?

1-й гражданинъ.

Коль это такъ, инымъ придется плохо!

2-й гражданинъ.

Антоній всѣ глаза свои проплакалъ...

3-й гражданинъ.

Нѣтъ въ Римѣ благороднѣй человѣка,
Чѣмъ Маркъ Антоній!

4-й гражданинъ.

Слушайте его!

Антоній.

Еще вчера повелѣвалъ вселенной
Могучій Цезарь; онъ теперь во прахѣ -
И всякій нищій имъ пренебрегаетъ...
Когда бъ хотѣлъ я побудить къ возстанью,
Къ отмщенію сердца и души ваши, -
Я повредилъ бы Кассію и Бруту,
Но вѣдь они почтеннейшіе люди;

Я зла имъ не желаю; я скорѣе
Къ усопшему несправедливымъ буду,
Къ себѣ и къ вамъ, чѣмъ повредить рѣшусь
Такимъ почтеннымъ людямъ, какъ они.
Но вотъ - пергаментъ съ Цезаря печатью...
Онъ найденъ мною въ комнатѣ, гдѣ Цезарь
Дѣлами государства занимался.
То завѣщанье Цезаря. Когда бъ
Узнали вы, что въ этомъ завѣщаньи
(Но вамъ его прочесть я не хочу),
Вы бросились бы раны цѣловать
Заколотаго Цезаря; вы стали бы
Его священной кровью окроплять
Свои платки; просили бы на память -
Хоть волосокъ его и, умирая,
Потомству своему, какъ даръ безцѣнный,
Вы завѣщали бъ это.

4-й гражданинъ.

Маркъ Антоній,

Намъ завѣщанье Цезаря прочти!

Гражданинъ.

Мы знать хотимъ, что Цезарь завѣщаетъ.

Антоній.

Друзья мои! прошу не волноваться!
Не долженъ я читать вамъ завѣщанья.
Зачѣмъ вамъ знать, какъ Цезарь васъ любилъ...
Не камень вы, не дерево, а люди;
Людей же въ изступленье приведетъ
И въ ярость воля Цезаря. Вамъ лучше
Не знать, что вы - наследники его.
Узнай вы это, что тогда случится?

4-й гражданинъ.

Мы Цезаря хотимъ услышать волю.

Прочти намъ завѣщаніе его!

Антоній.

Я васъ прошу повременить немного...
Какъ жаль, что я о немъ проговорился...
Боюсь я, что невольно повредилъ
Тѣмъ благороднымъ людямъ, что вонзили
Свои ножи въ грудь Цезаря; боюсь!...

1-й гражданинъ. Эти благородные люди - просто измѣнники!

Граждане. Читай завѣщаніе, читай завѣщаніе!

2-й гражданинъ. Они убійцы, изверги! Читай завѣщаніе

Цезаря.

Антоній.

Такъ заставляете читать вы завѣщанье?

190

Вкругъ Цезаря убитаго вы станьте,
И въ настоящемъ свѣтѣ я его
Представлю вамъ. Могу ль сойти съ трибуны?

Всѣ. Сойди съ трибуны.

2-й гражданинъ. Можешь сойти.

3-й гражданинъ. Мы это разрѣшаемъ тебѣ. (*Антоній сходитъ съ трибуны*).

4-й гражданинъ. Окружимъ его.

1-й гражданинъ. Не становитесь такъ близко къ гробу, не приближайтесь къ трупу!

2-й гражданинъ. Дайте мѣсто Антонию, благородному Антонию!

Антоній. Не напирайте на меня; станьте подальше.

Всѣ. Отодвиньтесь! Мѣсто! Назадъ!

Антоній.

Коль слезы есть у васъ, обильнымъ токомъ
Онѣ теперь изъ вашихъ глазъ польются.
Всѣмъ этотъ плащъ знакомъ. Я помню даже,
Гдѣ въ первый разъ его накинулъ Цезарь:
То было лѣтнимъ вечеромъ, въ палаткѣ,
Гдѣ находился онъ, разбивъ неврїйцевъ.
Сюда проникъ ножъ Кассія; вотъ рана
Завистливаго Каски; здѣсь въ него
Вонзиль кинжалъ его любимецъ Брутъ.
Какъ хлынула потокомъ алымъ кровь,
Когда кинжалъ изъ раны онъ извлекъ!
Она какъ будто бросилась въ двери,
Чтобы узнать, дѣйствительно ли Брутъ
Съ враждебностью такой въ нихъ постучался;
Онъ былъ любимецъ Цезаря. О, боги!
Извѣстно вамъ, какъ Брута онъ любилъ!
Ударъ, что Брутъ нанесъ, изъ всѣхъ ударовъ
Былъ самый злой. Когда увидѣлъ Цезарь,
Что Брутъ его разить, неблагодарность
Сильнее рукъ убійць его стубила:
Въ немъ разорвалось доблестное сердце,
Лицо свое завѣсилъ онъ плащемъ
И у подножья статуи Помпея,
Съ которой кровь его ручьемъ лилась,
Великій Цезарь палъ. О, страшное
Паденье это было! И вы, и я,

И всѣ мы пали съ Цезаремъ; надъ нами
Кровавая измѣна торжествуетъ...
Вы плачете? Я вижу, состраданье
Проснулось въ васъ. Тѣ слезы благодатны...
Вы плачете, глядя на плащъ его.
Но вотъ - онъ самъ, заколотый врагами...

1-й гражданинъ. О, жалкій видъ!

2-й гражданинъ. О, доблестный Цезарь!

3-й гражданинъ. О, скорбный день!

4-й гражданинъ. Измѣнники, изверги!

1-й гражданинъ. О кровавое зрѣлище!

4-й гражданинъ Мы имъ отмстимъ!

Всѣ. Мѣсти! мѣсти! Ищите измѣнниковъ! Сожжемъ ихъ! убьемъ! Пусть ни
одинъ изъ этихъ убійцъ не останется въ живыхъ!

Антоній. Я прошу васъ повременить, сограждане!

1-й гражданинъ. Молчите, слушайте Антонія, благороднаго Антонія!

2-й гражданинъ. Мы будемъ его слушать, мы пойдёмъ за нимъ, мы готовы
умереть съ нимъ!

Антоній.

Достойные и милые друзья!

Я не хочу васъ побуждать къ возстанью!

Тѣ люди, что убійство совершили,

Почтеннѣйшіе люди. Я не знаю

Ихъ личныхъ побужденій. Безъ сомнѣнья

Они изложатъ вамъ свои причины.

Я не хочу васъ отвратить отъ нихъ!

Нѣтъ краснорѣчья Брута у меня.

Безхитростный и добрый человекъ я,

Который друга искренно любилъ;

И это знаютъ тѣ, кто разрѣшилъ

Мнѣ всенародно говорить о немъ.

Ни силы выраженій, ни искусства

Нѣтъ у меня; я не владѣю даромъ

Людей воспалять: но только правду

Я говорю, и это вамъ извѣстно...

Вамъ Цезаря показывая раны,

Я за себя прошу ихъ говорить

Нѣмыми, помертвѣвшими устами.

Когда бъ я Брутомъ былъ, тогда съумѣлъ бы

Васъ потрясти, съумѣлъ бы эти раны

Заставить говорить: внимая имъ,

Восстали бы и сами камни Рима!

Граждане. Мы всѣ возстанемъ!

1-й гражданинъ. Мы сождемъ домъ Брута!
3-й гражданинъ. Пойдемъ отыскивать заговорщиковъ!
Антоній. Погодите, сограждане! я еще не все вамъ сказалъ.
Граждане. Молчите, слушайте Антонія, благороднаго Антонія!
Антоній.

Возстать хотите вы, не зная сами,
Что васъ влечетъ. Чѣмъ Цезарь заслужилъ
Такое проявленіе любви?
Вы главное забыли: завѣщанье,
Оставленное Цезаремъ.

191

Граждане.
Конечно...

Прочти его: мы знать его хотимъ.

Антоній.

Такъ вотъ - оно, за Цезаря печатью.
Друзья, внимайте! Каждому изъ васъ
Онъ завѣщаетъ семьдесятъ-пять драхмъ.

2-й гражданинъ. О, благородный Цезарь! Мы отмстимъ за смерть его!

3-й гражданинъ. Порфиноносный Цезарь!

Антоній.

Прошу меня дослушать до конца!

Граждане.

Молчите!

Антоній.

Сверхъ того, онъ вамъ даритъ
Свои помѣстья, рощи и сады,
Что онъ развелъ вдоль Тибра. Навсегда
Онъ завѣщаетъ вамъ свои владѣнья,
Чтобъ вы и ваши поздніе потомки
Могли бы ими пользоваться. Вотъ -
Каковъ былъ Цезарь! Не найти второго!

192

Граждане.

О, никогда! Мы въ освященномъ мѣстѣ
Сождемъ его останки, а затѣмъ
Спалимъ дома злодѣевъ головнями,
Что отъ его останутся костра.
Идемъ, идемъ, его поднимемъ трупъ!

2-й гражданинъ. Идите за огнемъ!
3-й гражданинъ. Ломайте скамейки!
4-й гражданинъ. Ломайте двери, окна! ломайте все!
(Уходятъ граждане, унося трупъ Цезаря).

Антоній.

ы вспыхнулъ, бунтъ! ты на ногахъ! Теперь
Прими какое хочешь направленье.

(Входитъ слуга).

Что скажешь мнѣ?

Слуга.

Октавій прибылъ въ Римъ -

И съ нимъ Лепидъ.

Антоній.

Гдѣ жъ онъ остановился?

Слуга.

У Цезаря.

Антоній.

Къ нему сейчасъ пойду я...

Намъ счастье улыбается. Какъ кстати
Пріѣхалъ онъ! Теперь всего добьемся

Слуга.

Я слышалъ, что изъ Рима ускакали,
Какъ бы ума лишившись, Брутъ и Кассій.

Антоній.

Они узнали, вѣрно, что народъ
Я поднялъ противъ нихъ. Идемъ къ Октавію!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Улица.

Входитъ Цинна-поэтъ.

Цинна.

Приснилось мнѣ, что съ Цезаремъ пирую.
Меня гнетутъ тревожныя мечты.
Я не хотѣлъ сегодня выходить;
Но что-то въ даль меня влечетъ невольно.

(Входятъ граждане).

1-й гражданинъ. Какъ твое имя?

2-й гражданинъ. Куда ты идешь?

3-й гражданинъ. Гдѣ живешь?

4-й гражданинъ. Женатъ ли ты, иль холостъ?

2-й гражданинъ. Отвѣчай отчетливо каждому!

1-й гражданинъ. Да коротко.

4-й гражданинъ. Да толково.

3-й гражданинъ. Смотри, говори только правду!

Цинна. Какъ меня зовутъ? Куда я иду? Гдѣ я живу? Женатъ ли я, иль холостъ? Чтобъ отвѣтить каждому прямо и коротко, умно и правдиво, скажу вамъ толково: я холостъ.

2-й гражданинъ. Ты этимъ хочешь сказать, что тотъ глупецъ, кто женится. Какъ бы тебѣ не пришлось солоно за этотъ отвѣтъ. Отвѣчай безъ обиняковъ.

Цинна. Отвѣчаю прямо: иду на похороны Цезаря.

1-й гражданинъ. Какъ другъ или какъ врагъ?

Цинна. Какъ другъ.

2-й гражданинъ. Вотъ это отвѣтъ прямой!

4-й гражданинъ. Гдѣ ты живешь? короче!

Цинна. Отвѣчаю коротко: близъ Капитолія.

3-й гражданинъ. Твое имя? да смотри, не выдумывай!

Цинна. По правдѣ, мое имя Цинна.

1-й гражданинъ. Рвите его на части: онъ - Цинна-заговорщикъ!

Цинна. Я Цинна-поэтъ, я Цинна-поэтъ!

4-й гражданинъ. Рвите его на части за его дурные стихи! Рвите его на части за его дурные стихи!

Цинна. Я не заговорщикъ Цинна.

4-й гражданинъ. Это все равно: его имя Цинна; вырвите только его имя изъ его сердца, а затѣмъ пусть идетъ, куда хочетъ...

3-й гражданинъ. Разорвемъ его, разорвемъ его! Гдѣ факелы, гдѣ головни? Къ Бруту! Къ Кассію! Жгите все! Пусть одни идутъ къ дому Деція, другіе къ Каскѣ, третьи къ Лигарію! Идемъ, идемъ!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Римъ. - Комната въ домѣ Антонія.

Антоній, Октавій и Лепидъ сидятъ вкругъ стола.

Антоній.

И такъ всѣ, что отмѣчены, умрутъ.

Октавій.

Твой братъ, Лепидъ въ числѣ приговоренныхъ;

На казнь его согласенъ ли?

Лепидъ.

Согласенъ.

Октавій.

Отмѣть его, Антоній.

Лепидъ.

Я согласенъ

Съ условіемъ, чтобъ Публию не жить,
Который сынъ твоей сестры, Антоній.

Антоній.

Умреть и онъ. Ты видишь этимъ знакомъ
Онъ осужденъ на смерть. Теперь, Лепидъ,
Въ домъ Цезаря сходи и завѣщанье,
Оставленное имъ, намъ принеси.
Мы съ общаго согласія рѣшимъ,
Что изъ него мы выкинуть должны.

Лепидъ.

Гдѣ жъ васъ найду?

Октавій.

Иль здѣсь, иль въ Капитолѣ.

(Лепидъ уходитъ).

Антоній.

Онъ жалкій и бездарный человекъ,
Лишь годный для посылокъ. Неужели
Участье приметъ онъ въ раздѣлъ міра
И будетъ триумвиромъ?

Октавій.

Такъ хотѣлъ ты

194

И настоялъ на томъ, чтобъ вмѣстѣ съ нами
Онъ обсуждалъ, кому назначить смерть,
Кого сослать.

Антоній.

На то причины есть.

Я дольше твоего живу на свѣтѣ...
Даря Лепиду почести, съ себя
Тяжелое мы сбрасываемъ бремя,
Которое носить онъ всюду будетъ,
Какъ золото осель, кряхтя подъ ношей
И нами погоняемый, по волѣ.
Когда онъ принесетъ, куда укажемъ,
Сокровища, съ него мы снимемъ ихъ;
Его жъ пошлемъ со стадомъ на луга,
Гдѣ будетъ онъ, развѣюченнымъ осломъ,
Пастись, ушами хлопая.

Октавій.

Однако,

Онъ воинъ заслуженный и отважный.

Антоній.

Таковъ мой конь, за что его кормлю я;
Учу его скакать, впередъ бросаться,
Мѣнять аллюръ и дѣлать повороты;
Но всежъ я управляю имъ, какъ знаю.
Съ моимъ конемъ Лепидъ имѣетъ сходство;
Ему во всемъ руководитель нуженъ,
И онъ одинъ ступить не можетъ шагу;
Живетъ лишь подражаньями и занять
Предметами, что никому не нужны
И вовсе устарѣли. На него
Смотри, какъ на орудье безъ значенья.
Но мы теперь должны съ тобой заняться
Дѣлами поважнѣе. Брутъ и Кассій
Войска свои собираютъ; къ нимъ на встрѣчу
Мы выступить должны; сберемъ друзей
И на совѣтъ съ ними пообсудимъ,
Какія мѣры слѣдуетъ принять,
Чтобъ отвратить грозящую опасность
И справиться съ негласными врагами.

Октавій.

Да, соберемъ совѣтъ; со всѣхъ сторонъ
Враги насъ окружаютъ; я увѣренъ,
Что многіе, встрѣчающіе насъ
Съ улыбками, погибель намъ сулятъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Палатка Брута въ лагерь близъ Сардъ.

Бьютъ барабаны. Входятъ Брутъ, Люцилій, Титиній и солдаты. Пиндаръ идетъ къ нимъ на встрѣчу. Люцій въ некоторомъ разстояніи отъ нихъ.

Брутъ.

Ни съ мѣста!

Люцилій.

Дайте лозунгъ! Стой смирно!

Брутъ.

Что новаго, Люцилій? Близко ль Кассій?

Люцилій.

Недалеко. Онъ съ Пиндаромъ прислалъ

Тебѣ привѣтъ.

(Пиндаръ подаетъ письмо Бруту).

Брутъ.

Его письмо любезно.

Твой господинъ, какъ замѣчаю, Пиндаръ,

За это время сильно измѣнился.

Я многими поступками его

Глубоко недоволенъ и не знаю, -

Чему ихъ приписать: его ль винѣ,

Иль злостнымъ наущеньямъ. Если жъ онъ

Недалеко, мы можемъ объясниться.

Пиндаръ.

Ты скоро убѣдишься, я увѣренъ,

Что онъ, какъ прежде, доблестѣнъ и честѣнъ.

Брутъ.

Не сомнѣваюсь въ томъ. Скажи, Люцилій,

Какъ принялъ онъ тебя?

Люцилій.

Съ большимъ почетомъ

И вѣжливо, но въ немъ я не нашель

Ни искренности друга, ни радушья.

Брутъ.

Замѣтно охладѣлъ онъ. Такъ всегда

Слабѣющая дружба проявляетъ

Усиленную вѣжливость. Къ уверткамъ

Не прибѣгаетъ искренняя дружба;

Но лицемѣръ, какъ бѣшенная лошадь,

Уносится впередъ и обѣщаетъ,

Чего сдержать не можетъ. Если шпоры

Вонзить въ такую лошадь, испытанья

Не выдержитъ она: опуститъ гриву

И на землю повалится, какъ кляча.

Войска ведетъ ли Кассій?

Люцилій.

Подлѣ Сардъ

Пѣхота заночуетъ; съ нимъ же вмѣстѣ

Вся конница прибудетъ.

((Вдали слышенъ маршъ)).

Брутъ.

Вотъ и Кассій.

Пойдемъ къ нему на встрѣчу.

(Слышна команда: Стойте! Стойте!).

Кассій.

Мой благородный братъ, несправедливо
Ты поступилъ со мной.

195

Брутъ.

Клянусь богами,

Я и врага напрасно не обижу!

Могу ль я быть несправедливымъ къ брату?

Кассій.

Спокойствіемъ ты думаешь прикрыть
Свои неправды, Брутъ; но не позволю...

Брутъ.

Не горячись и гнѣвъ свой удержи.

Въ виду всѣхъ войскъ намъ ссориться не надо:

Они должны лишь нашу дружбу видѣть.

Вели имъ отступить; въ моей палаткѣ

Твои упреки выслушать готовъ я...

Кассій *(обращаясь къ Пиндару)*.

Распорядись, чтобъ наши легіоны

Немного отступили.

Брутъ *(Люцію)*.

Нашимъ также

Ты отступить вели. Къ моей палаткѣ

Чтобы никто приблизиться не смѣлъ,

Пока мы не окончимъ разговора!

На стражѣ стануть Люцій и Титиній.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Палатка Брута.

Входятъ Брутъ и Кассій.

Кассій.

Я оскорбленъ ужъ тѣмъ, что Люція Пеллу

Ты осудилъ за взятки съ гражданъ Сардъ,
Хоть за него я лично заступился:
Ходатайствомъ моимъ ты пренебрегъ.

Брутъ.

Ты оскорбилъ себя, прося о немъ.

Кассій.

Въ такое время смутное - безумно
Преслѣдовать людей за пустяки.

Брутъ.

И о тебѣ самомъ дурные толки
Вездѣ распространились. Говорять,
Что взятки ты берешь и недостойнымъ
Даешь мѣста за золото.

Кассій.

О, боги!

Я взяточникомъ сталъ! Не будь ты Брутъ,
Твои уста умолкли бы навѣки!

Брутъ.

Потворствуя такому лихоимству,
Ты правосудье дѣлаешь безсильнымъ.

Кассій.

Я? Правосудье!

Брутъ.

Вспомни мартъ,
О, вспомни иды марта! Цезарь палъ
Во имя правосудья: кто изъ насъ
Его сразилъ не ради правосудья?
И что жъ? я вижу съ ужасомъ, что люди,
Убившіе первѣйшаго изъ смертныхъ
За то, что онъ потворствовалъ ворами,
Грязнять себя постыднымъ лихоимствомъ
И честь свою, и славу продаютъ
За пригоршни презрѣннаго металла!
Я лучше бы хотѣлъ быть жалкимъ псомъ,
Что лаеетъ на луну, чѣмъ гражданиномъ,
Въ которомъ чести нѣтъ.

Кассій.

Не забывайся!

Обидь переносить я не намѣренъ.
Тебя я старше службой и способнѣй
Распоряжаться здѣсь.

Брутъ.

Напрасно, Кассій,

Такъ думаешь...

Кассій.

Я правъ.

Брутъ.

Ты въ заблуждени.

Кассій.

Не вызывай мой гнѣвъ - иль я забудусь, -
Побереги себя...

Брутъ.

Ты жалокъ мнѣ!

Кассій.

Возможно ли?

Брутъ.

Тебѣ намѣрень я
Все высказать. Запальчивость безумца
И яростные возгласы и взгляды
Меня не остановятъ.

Кассій.

Боги, боги!

Ужель все это долженъ я терпѣть?

Брутъ.

Ты говоришь: - все это? Нѣтъ, и больше.
Твою гордыню долженъ я сломить.
Показывай рабамъ, какъ грозенъ ты,
Ихъ заставляй дрожать передъ собою, -
Но уступать тебѣ я не обязанъ
И сдерживать свое негодованье,
Склоняясь въ прахъ предъ гнѣвностью твоею.
Клянусь! весь ядъ своей кипящей желчи
Ты переваришь самъ, хоть, отъ того, быть можетъ,
Въ куски развалишься. Отнынѣ будутъ
Служить мнѣ только смѣхомъ и забавой
Твои пустыя вспышки.

Кассій.

Неужели

Дошло ужъ до того?

Брутъ.

Ты говоришь,
Что лучшій воинъ ты. Прошу тебя
На дѣлѣ доказать, что ты не хвасталь.
Меня утѣшишь этимъ. Я всегда
Учиться радъ у доблестныхъ людей.

Кассій.

Помилуй, Брутъ,
Ты всячески ко мнѣ несправедливъ.
Я не сказалъ, что я тебя способнѣй,
А только старше.

Брутъ.

Если и сказалъ,
Мнѣ все равно.

Кассій.

Самъ Цезарь, будь онъ живъ,
Меня бы не посмѣлъ такъ оскорблять.

Брутъ.

Ты самъ бы не осмѣлился его
Такъ изъ терпѣнья выводить.

Кассій.

Кто, я?

Брутъ.

Ты самъ.

Кассій.

Изъ страха - что ли?

Брутъ.

Я не знаю,

Но все бы не посмѣлъ такъ поступать ты.

Кассій.

Не слишкомъ полагайся на любовь,
Что я къ тебѣ питаю. Совершить
Могу и то, о чемъ жалѣть я стану.

Брутъ.

Дѣла, ужъ совершенныя тобой,
Достойны сожалѣнья. Мнѣ не страшны
Твои угрозы, Кассій; предо мною
Пронесятся онѣ, какъ легкій вѣтеръ,
Что мнѣ вредить не можетъ: такъ я сильно
Вооруженъ и доблестью, и честью.
За золотомъ къ тебѣ я посылалъ
И получилъ отказъ. Я не могу
Прибѣгнуть къ низкимъ мѣрамъ, чтобъ добыть
То золото, въ которомъ я нуждаюсь;
Скорѣй готовъ я вычеканить сердце
И въ драхмы превратить всю кровь свою,
Чѣмъ, обратившись къ средствамъ незаконнымъ,
Крестьянина лишитъ послѣднихъ крохъ.
За деньгами я посылалъ къ тебѣ,
Чтобъ жалованье выдать легионамъ, -

И мнѣ ты отказалъ. Такой поступокъ
Достоинъ ли тебя? Когда бы Кассій
Ко мнѣ съ подобной просьбой обратился,
Такой отвѣтъ онъ развѣ получилъ бы?
Пусть боги разорвутъ меня на части
И на меня свои низвѣргнуть громы,
Коль стану я когда нибудь, какъ скряга,
Скрывать свои богатства отъ друзей!

Кассій.

Отказа отъ меня не получалъ ты.

Брутъ.

Нѣтъ, получилъ.

197

Кассій.

Кто передалъ тебѣ

Мои слова, ихъ просто перепуталъ.
О Брутъ! мое ты сердце растерзалъ:
Другъ долженъ другу немощи прощать,
А ты преувеличиваешь ихъ.

Брутъ.

О, нѣтъ! я только сдѣлался ихъ жертвой...

Кассій.

Меня не любишь ты.

Брутъ.

Лишь недостатки

Твои я не люблю.

Кассій.

Не долженъ другъ

Ихъ замѣчать.

Брутъ.

Лишь льстецъ не видитъ ихъ,

Хотя они съ Олимпъ бы были ростомъ.

Кассій.

Придите же, Антоній и Октавій,
И Кассію лишь одному отмстите.
Онъ смерть зоветъ. Ему послыла жизнь:
Онъ ненавидимъ тѣмъ, кого онъ любитъ
Онъ презираемъ братомъ, и его
Поносятъ, какъ раба; его поступки
Изучены и въ памятную книжку
Записаны, чтобъ вѣчные попреки
Ему бросать съ презрѣньемъ. Я бы могъ

Изъ глазъ моихъ съ слезами вылить душу!..
Вотъ - мой кинжалъ, и вотъ - нагая грудь;
Въ ней сердце, что богаче рудъ Плутона
И драгоценнѣй золота. О, если
Ты римлянинъ, его изъ груди вырви!
Я, отказавшій въ золотъ тебѣ,
Взамѣнь его - свое дарую сердце.
Срази меня, какъ Цезаря сразилъ ты;
Но, ненавидя Цезаря, сильнѣе
Его любилъ ты, чѣмъ меня ты любишь.

Брутъ.

Вложи кинжалъ въ ножны. Сердись больше
Не буду на тебя. Что хочешь - дѣлай:
Съ улыбкой я снесу и оскорбленье.
Съ ягненкомъ ты имѣешь дѣло, Кассій,
Въ которомъ гнѣвъ огню кремня подобенъ:
Когда его ударятъ, брызжутъ искры;
Затѣмъ онъ охлаждается мгновенно.

198

Кассій.

Я дожилъ до того, что сталъ для Брута
Забавой и посмѣшищемъ, когда
Меня томить тоска до полусмерти.

Брутъ.

Я былъ не въ духѣ самъ, когда сказалъ то.

Кассій.

Ты сознаешься въ томъ? Такъ дай мнѣ руку.

Брутъ.

Бери и сердце съ ней.

Кассій.

О, Брутъ!

Брутъ.

Что скажешь?

Кассій.

Ужели нѣтъ любви въ тебѣ настолько,
Чтобъ мнѣ простить запальчивость мою,
Которую мнѣ мать передала?

Брутъ.

Прощаю все. Отнынѣ, если Кассій
Вспылитъ на Брута, Брутъ вообразить,
Что это мать его пылаетъ гнѣвомъ,
И этимъ оскорбляться ужъ не будетъ.

Поэтъ (*извнѣ*).

Пустите! полководцы не въ ладу;
Ихъ оставлять не слѣдуетъ однихъ.

Люцій (*извнѣ*).

Намъ никого не велѣно пускать.

Поэтъ (*извнѣ*).

Лишь смерть одна меня теперь удержитъ.

(*Входитъ поэтъ въ сопровожденіи Люція, Люцилія и Титинія*).

Кассій.

Что хочешь ты? Зачѣмъ пришелъ сюда?

Поэтъ.

Не ссорьтесь, полководцы, примиритесь!
Друзьями будьте вновь, примите мой совѣтъ.
Я много старше васъ и лучше знаю свѣтъ.

Кассій.

У циника всегда бездарный стихъ.

Брутъ.

Уйди, бездѣльникъ, вонъ!

Кассій.

Ты не сердись:

Таковъ его обычай.

Брутъ.

Жалкій шутъ!

Для штукъ своихъ плохое выбралъ время.
Шутамъ такимъ не мѣсто на войнѣ
Ступай ты прочь.

Кассій.

Уйди, уйди скорѣй! (*Поэтъ уходитъ*).

Брутъ.

Люцилій и Титиній, передайте
Приказъ вождямъ палатки разбивать:
Мы заночуемъ здѣсь.

Кассій.

Затѣмъ вернитесь

И приведите къ намъ съ собой Мессалу.

(*Уходятъ Люцилій и Титиній*).

Брутъ.

Подай вина мнѣ, Люцій!

(*Люцій уходитъ*).

Кассій.

Я не думалъ,

Что можешь ты такъ сильно осерчать.

Брутъ.
О, Кассій, я глубоко огорченъ.

Кассій.
Законамъ философіи своей
Не вѣренъ ты, вниманье обращая
На грустную случайность.

Брутъ.
Лучше Брута,
Повѣрь, никто перенести не можетъ
Душевной муки: Порція скончалась!

Кассій.
Какъ, Порція?

Брутъ.
Увы, ея ужъ нѣтъ!
Кассій.

И пощадилъ меня въ своемъ ты гнѣвѣ?
О, тяжкая и скорбная утрата!
Что жизнь ея сгубило раньше срока?
Брутъ.

Тяжелый гнѣтъ разлуки и боязнь,
Что намъ не одолѣть своихъ враговъ,
Которые усилилися много.
(Послѣднее извѣстье получилъ я
Съ увѣдомленьемъ о ея кончинѣ).
На умъ ея подѣйствовало это.
Въ безпамятствѣ, въ отсутствіи прислуги,
Она углей горячихъ проглотила.
Кассій.

Итакъ, она скончалась?
Брутъ.
Да.

Кассій.
О, боги!
(Входитъ Люцій съ виномъ и свѣтильникомъ).

Брутъ.
Прошу прервать тяжелый разговор
Дай кубокъ мнѣ: въ немъ утоплю я горе...
(Пьетъ.)

Кассій.
На сердца зовъ готовъ отвѣтить сердцемъ;
Лей черезъ край! Нельзя довольно выпить,

Чтобъ чествовать расположење Брута.

(Пьютъ.)

Входятъ Титиній и Мессала.

Брутъ.

Войди, Титиній! Здравствуй, другъ Мессала!
Вокругъ свѣтильника усѣвшись, потолкуемъ
О нашемъ положенїи.

Кассій.

Ты скончалась,

О, Порція!

Брутъ.

Прошу о ней ни слова.

Мнѣ пишутъ, что Октавій и Антоній,
Собрали противъ насъ большія силы
И движутся къ Филиппамъ.

Мессала.

Мнѣ объ этомъ

Писали то же.

Брутъ.

Нѣтъ ли и другихъ

Каких-нибудь извѣстій?

Мессала.

Тріумвиры

Казнили сто сенаторовъ, велѣвъ
Признать ихъ внѣ закона.

Брутъ.

Въ нашихъ письмахъ
Немного разногласья: по моимъ,
Лишь семьдесятъ сенаторовъ погибло,
И съ ними вмѣстѣ палъ и Цицеронъ.

Кассій.

И онъ погибъ?

Мессала.

Да, умеръ Цицеронъ!

Проскрипція коснулась и его.
Не получалъ ты писемъ отъ жены?

Брутъ

Не получалъ.

Мессала.

И никакихъ извѣстій

О ней ты не имѣешь?

Брутъ.

Никакихъ.
Мессала.

Я удивленъ.

Брутъ
Къ чему твои вопросы?

Ты не узналъ ли что-нибудь о ней?

Мессала.

Нѣтъ, ничего.

Брутъ.
Какъ римлянинъ, ты долженъ
Всю правду мнѣ сказать.

Мессала.

Узнавши правду,
Какъ римлянинъ, перенеси ее:
Твоя жена скончалась; смерть ея
Была необычайна.

Брутъ.
Если такъ,

О, Порція, прости! Мы всѣ умремъ...
И ей грозила смерть когда нибудь!
Объ этомъ мысль теперь даетъ мнѣ силу
Съ терпѣньемъ перенестъ утрату злую.

Мессала.

Такъ именно великій смертный долженъ
Переносить великую потерю!

Кассій.

Не хуже васъ все это знаю самъ,
Но я бъ не могъ сдержать порывовъ горя.

Брутъ.

Перенестись къ живому дѣлу надо!
Не двинуться ли намъ скорѣй къ Филиппамъ?

Кассій.

Я съ этимъ не согласенъ.

Брутъ.
Почему?

Кассій.

Коль непріятель будетъ насъ искать,
Онъ утомитъ войска, истратитъ средства
И повредитъ себѣ, тогда какъ мы,
Спокойно оставаясь здѣсь на мѣстѣ,
И силы, и отвагу сбережемъ.

Брутъ.

Хорошій доводъ долженъ уступить
Тому, который лучше. До Филиппъ

Все населенье съ тайною враждою
 Глядитъ на насъ. Оно раздражено
 Поборами, взимаемыми нами.
 Коль непріятель явится сюда,
 Къ нему примкнуть всѣ тѣ, что недовольны,
 И онъ тогда предстанетъ передъ нами,
 Усиленный и духомъ ободренный.
 Чтобы лишить его всѣхъ этихъ выгодъ
 И не имѣть въ тылу враждебный округъ
 Подвинемся немедленно къ Филиппамъ.

Кассій.

Но, добрый братъ...

Бругъ.

Еще прими въ расчетъ,
 Что наши легіоны въ полномъ сборѣ
 И силы налицо, что наше дѣло
 Созрѣло совершенно; а враги
 Становятся сильнѣе съ каждымъ днемъ.
 Добравшись до вершины, бойся склона!
 Дѣла людей, какъ волны океана,
 Подвержены приливу и отливу.
 Воспользуйся приливомъ - и успѣхъ
 Съ улыбкою откликнется тебѣ;
 Съ отливомъ же все плаванье твое
 Въ тяжелую борьбу преобразится
 Съ мелями и невзгодами. Для насъ
 Насталъ приливъ. Коль мы его пропустимъ,
 Насъ вѣрная погибель ожидаетъ.

Кассій.

По-твоему пусть будетъ! Близъ Филиппъ
 Нагонимъ непріятеля.

Бругъ.

Въ то время,

Какъ разсуждали мы, глухая ночь
 Подкралась къ намъ. Заплатимъ дань природѣ
 Необходимымъ отдыхомъ. Не надо ль
 О чем-нибудь еще намъ совѣщаться?

Кассій.

Все рѣшено; прощай! Съ зарею завтра
 Поднимемся и выступимъ въ походъ.

Бругъ.

Дай мнѣ раздѣться, Люцій! Доброй ночи,
Почтеннѣйшій Мессала; до свиданья,
Титиній; и тебѣ, любезный Кассій,
Желаю отъ души покойной ночи.

Кассій.

О милый братъ! какъ было тяжело
Начало этой ночи; но надѣюсь,
Что никогда ужъ ссориться не будемъ!
Не такъ ли, Брутъ?

Брутъ.

Уладилась размолвка.

Кассій.

Прощай же, братъ.

Брутъ.

Прощай, мой добрый Кассій.

Титиній и Мессала

Покойной ночи, Брутъ.

Брутъ.

Прощайте всѣ!

(Уходятъ Кассій, Титиній и Мессала).

(Входитъ Люцій).

Брутъ.

Дай мнѣ накинуть спальную одежду.
Гдѣ лютню ты оставилъ?

Люцій.

Здѣсь, въ палаткѣ.

Брутъ.

Ты спишь совсѣмъ. О, бѣдный! не могу
Тебя винить: ты бдѣньемъ утомленъ.
Зови другихъ служителей моихъ:
Пусть на подушкахъ спятъ въ моей палаткѣ.

Люцій.

Варронъ и Клавдій!

(Входятъ Варронъ и Клавдій).

Варронъ.

Что тебѣ угодно?

Брутъ.

Въ моей палаткѣ нынче вы ночуйте;
Я, можетъ быть, васъ ночью разбужу,
Чтобъ дать вамъ порученье къ брату Кассью.

Варронъ.

Коль хочешь, мы и вовсе не заснемъ.

Брутъ.

Нѣтъ, лягте спать; могу и передумать.

Ахъ, Люцій! посмотри, въ ночной одеждѣ

Нашелъ я книгу, что искалъ вездѣ.

(Варронъ и Клавдій ложатся).

Люцій.

Я зналъ, что мнѣ ея не отдавалъ ты.

Брутъ.

Прости меня - я что-то сталъ забывчивъ;

Не можешь ли ты сонъ преодолѣть

И что-нибудь на лютнѣ мнѣ сыграть?

Люцій.

Могу, коль это хочешь.

Брутъ.

Да, мой милый.

201

Я на тебя ужъ слишкомъ налегаю;

Но пользуюсь готовностью твоей.

Люцій.

Я долгъ лишь исполняю.

Брутъ.

Отъ тебя

Не долженъ бы я требовать такъ много:

Я знаю - юнымъ силамъ нуженъ отдыхъ.

Люцій.

Ужъ спалъ я.

Брутъ.

И хорошо ты сдѣлалъ;

Заснешь опять - тебя не задержу я.

Останусь живъ - ты будешь мной доволенъ.

(Люцій поетъ, играя на лютнѣ, и засыпаетъ).

Дремотою объаты эти звуки...

О тяжкій сонъ! свинцовою рукою

Его коснулся ты. Спи, милый мальчикъ!

Я твоего покоя не нарушу;

Качаясь такъ, ты лютню разобьешь.

Возьму ее. Покойной ночи, милый!

Опять примусь за прерванное чтенье.

(Является духъ Цезаря).

Ночникъ горитъ, бросая тусклый свѣтъ...

Кто это тамъ? Какой-то страшный призракъ

Идетъ ко мнѣ. Онъ, вѣрно, порождень
Лишь слабостью моихъ усталыхъ глазъ.
О, духъ! коль ты не сонъ воображенья,
Скажи мнѣ: геній ты, иль богъ, иль демонъ?
Ты кровь мою собою леденишь
И волосы мои становишь дыбомъ.
Скажи: кто ты?

Духъ Цезаря.

Я - духъ, тебѣ враждебный.

Брутъ.

Зачѣмъ явился ты?

Духъ Цезаря.

Чтобы сказать,

Что встрѣтимся мы снова близъ Филиппъ.

Брутъ.

Опять предстанешь ты?

Духъ Цезаря.

Да, близъ Филиппъ. *(Исчезаетъ)*.

Брутъ.

Что жъ, свидимся опять. Зачѣмъ ты скрылся,
Когда въ себя я началъ приходить?
Враждебный духъ! Съ тобою продолжать
Желалъ бы разговоръ. Проснися, Люцій!
Проснитесь всѣ.

Люцій.

Настроить надо лютню.

Брутъ.

Онъ думаетъ, что все еще играетъ.
Проснись скорѣй!

Люцій.

Что приказать желаешь?

Брутъ.

Зачѣмъ во снѣ такъ сильно ты кричалъ?

Люцій.

Кричалъ ли я - не знаю.

Брутъ.

Можетъ быть,

Испуганъ ты какимъ-нибудь видѣньемъ?

Люцій.

Нѣтъ, ничего во снѣ не видѣлъ я.

Брутъ.

Ты можешь вновь заснуть. Проснися, Клавдій,
И ты, Варронъ!

Оба.

Мы ждемъ твоихъ велѣній.

202

Брутъ.

Что заставляло васъ кричать во снѣ?

Оба.

Кричали развѣ мы?

Брутъ.

Вамъ, можетъ быть,

Приснилось что нибудь?

Оба.

Нѣтъ, ничего.

Брутъ.

Идите же и брату отъ меня

Вы поклонитесь; также передайте,

Чтобъ онъ пораньше выступилъ съ войсками:

Мы двинемся за нимъ.

Оба.

Сейчасъ идемъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Равнина близъ Филиппъ.

Входятъ Октавій, Антоній, и ихъ войска.

Октавій.

Сбылись мои надежды, Маркъ Антоній!

Ты увѣрялъ меня, что непріятель

Спустится на равнину не посмѣетъ,

Оставивъ горы. Иначе выходитъ:

Его войска ужъ близко и хотятъ

Здѣсь, близъ Филиппъ, теперь сразиться съ нами,

Не дожидаясь вызова.

Антоній.

Понятна

Причина ихъ движенья: имъ бы лучше

Другое мѣсто выбрать; но они

Храбрыя и хотятъ намъ доказать,

Что не упали духомъ. Это только

Одинъ обманъ.

(Входитъ гонецъ).

Гонецъ.

Готовьтесь, полководцы!

Враги идутъ въ порядкѣ боевомъ,
Съ знаменами развернутыми; надо
Немедленно готовиться къ отпору.

Антоній.

Октавій, ты веди, не торопясь,
Свои войска по лѣвой сторонѣ.

Октавій.

Нѣтъ, я пойду по правой, а тебѣ
Предоставляю лѣвую.

Антоній.

Зачѣмъ

Въ рѣшительный моментъ перечишь мнѣ?

Октавій.

Я не перечу: просто такъ хочу.

*Слышенъ маршъ. Барабаны. Входятъ Брутъ, Кассій, Титиній, Мессала и др.,
войска.*

Брутъ.

Они хотятъ вступить въ переговоры.

Кассій.

Останься здѣсь, Титиній; мы же выйдемъ
Чтобъ перемолвить съ ними.

Октавій.

Маркъ Антоній!

Намъ не подать ли знакъ начать сраженье?

Антоній.

Нѣтъ, Цезарь; отразить ихъ лучше будетъ.
Пойдемъ впередъ, чтобъ съ ними говорить.

Октавій.

Не трогайтесь, пока не дамъ сигнала.

Брутъ

У васъ слова предшествуютъ ударамъ,
Сограждане; не такъ ли?

Октавій.

Мы не любимъ

Слова, какъ вы.

Брутъ.

Хорошія слова

Плохихъ ударовъ лучше.

Антоній.

Ты умѣешь,

О, Брутъ! сопровождать хорошимъ словомъ
И злѣйшій изъ ударовъ. «Здравствуй, Цезарь!»
Кричалъ ты, ножъ ему вонзая въ сердце.

Кассій.

О подвигахъ твоихъ судить не можемъ,
Антоній; ихъ и нѣтъ; но, что до словъ,
Они совсѣмъ ограбили пчелъ Гиблы,
Оставивъ ихъ безъ меда.

Антоній.

Не безъ жаль.

Брутъ.

У нихъ и жала отнялъ ты, и голосъ:
Жужжа, какъ пчелы, но благоразумно
Угрозы шлешь предъ тѣмъ, чтобы ужалить...

Антоній.

О, изверги! не такъ вы поступили,
Когда кинжалы встрѣтились ваши
У Цезаря въ груди, зубря другъ друга!..
Какъ обезьяны, скалили вы зубы;
Вы ластились, какъ псы, и, какъ рабы,
У Цезаря вы ноги лобызали,
Когда, какъ песь, подкравшись, гнусный Каска
Его ударилъ сзади. О, льстецы!..

Кассій.

Льстецы! Ну, Брутъ, благодари себя:
Отъ этихъ устъ обиды бы не слышалъ,
Когда бъ не пренебрегъ моимъ совѣтомъ.

Октавій.

Скорѣй приступимъ къ дѣлу. Этотъ споръ
Бросаетъ въ потъ, но влага покраснѣе
Должна его рѣшить. Я вынулъ мечъ,
Чтобъ наказать убійць, и лишь тогда
Вложу его въ ножны, когда сторицей
Отмщу за раны Цезаря; а ихъ
Всѣхъ было тридцать три! Не отомщу,
Тогда другого Цезаря сразить
Измѣнника кинжалъ.

Брутъ.

Не бойся, Цезарь!

Измѣнники убить тебя не могутъ,

Коль ихъ съ собой ты не привелъ.

Октавій.

Надѣюсь,

Не для того родился я на свѣтъ,
Чтобъ отъ кинжала Брута кончить дни.

Бругъ.

О, юноша! Когда бъ и лучшей былъ ты
Изъ рода своего, почетнѣй смерти
Найти бы ты не могъ.

Кассій.

Плаксивый школьникъ
Съ развратникомъ разгульнымъ не достойны
Такой высокой чести.

Антоній.

Старый Кассій,

Велю тебѣ молчать!

Октавій.

Пойдемъ, Антоній!

204

Измѣнники! я въ зубы вамъ бросаю
Свой вызовъ. Если храбрости въ васъ хватить
Принять сегодня бой, - на полѣ битвы
Мы встрѣтимся; а если нѣтъ, придется
Намъ ждать, пока вы съ духомъ соберетесь.
(Уходятъ Октавій, Антоній и ихъ войска).

Кассій.

Дуй, ветеръ! мчитесь, волны! челнъ, несись!
Гроза шумитъ и рокъ царитъ надъ нами...

Бругъ.

Люцилій! на два слова.

Люцилій.

Что прикажешь?

(Бругъ и Люцилій отходятъ въ сторону).

Кассій.

Мессала!

Мессала.

Здѣсь я, Кассій.

Кассій.

Другъ Мессала,

Сегодня день рожденья моего.

Да, въ этотъ самый день родился Кассій.

Дай руку мнѣ. Свидѣтелемъ ты будешь,

Что нехотя сраженъе принимаю,
Какъ нѣкогда Помпей, ему ввѣряя
Свои права, свободу и судьбу.
Ты знаешь, я держался Эпикура;
Теперь же это мнѣнъе измѣнилъ
И сталь отчасти вѣрить въ предвѣщанья...
Когда изъ Сардъ мы вышли, два орла
Спустились къ намъ, передовое знамя
Сидѣнъемъ избравъ. Изъ рукъ солдатъ
Они охотно пищу принимали
И до Филиппъ сопровождали насъ.
Сегодня ихъ ужъ нѣтъ. Они умчались,
И стаями зловѣщими надъ нами
И вороны, и коршуны летаютъ,
Глядя на насъ, какъ на свою добычу.
Ихъ тѣнъ ложится мрачнымъ покрываломъ
Надъ нашими войсками, имъ суля
Погибель неминуую.

Мессала.

Не вѣрь

Примѣтъ этой.

Кассій.

Вѣрю лишь отчасти.

Я духомъ бодръ и встрѣтить собираюсь
Опасности безъ страха.

Брутъ.

Такъ, Люцилій...

Кассій.

О, благородный Брутъ! молю боговъ,
Чтобъ наша дружба старости достигла;
Но такъ какъ перемѣнчива судьба -
И худшее обсудимъ. Если мы
Сраженъе проиграемъ, я съ тобой
Въ послѣдній разъ бесѣдую. Скажи,
Что ты тогда съ собой намѣренъ дѣлать?

Брутъ.

Я вѣренъ философіи останусь,
Которая Катона осуждаетъ
За то, что онъ самоубійствомъ кончилъ.
Не знаю почему, но я считаю,
Что это и трусливо, и постыдно -
Ускорить смерть, боясь того, что будетъ.
Съ терпѣнъемъ ожидать рѣшенъя стану

Тѣхъ высшихъ силъ, что міромъ управляютъ.

Кассій.

Такъ, если мы сраженъе проиграемъ,
Ты плѣнникомъ пойдешь средь улицъ Рима?

Бругъ.

Нѣтъ, Кассій! Бругъ душою слишкомъ гордъ,
Чтобы по Риму связаннымъ пройти;
Но этотъ день рѣшителенъ: онъ кончить,
Что иды марта начали. Не знаю,
Мы встрѣтимся ль опять, а потому
Прими мое послѣднее прости!
Прости навѣкъ, прости, мой добрый Кассій!
Коль встрѣтимся опять, мы улыбнемся;
А нѣтъ, то хорошо, что мы простились.

Кассій.

Прости навѣкъ, прости, о добрый Бругъ мой!
Коль встрѣтимся опять, мы улыбнемся;
А нѣтъ, то хорошо, что мы простились.

Бругъ.

Веди войска! О, если бь можно было
Впередъ узнать, что скажетъ этотъ день!
Но хорошо и то, что онъ промчится:
Тогда узнаемъ все. Впередъ, впередъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же; поле сраженія.

Входятъ Бругъ и Мессала.

Бругъ.

Скачи, скачи, Мессала! Мой приказъ
Ты отвези всѣмъ дальнимъ легионамъ:

(Громкій шумъ битвы).

Пусть разомъ нападуть; я замѣчаю,
Что дрогнули Октавія войска.

Еще напоръ, и мы ихъ опрокинемъ.

Скорѣ отвези имъ мой приказъ! *(Уходитъ.)*

СЦЕНА III.

Другая часть поля сраженія.
Входятъ Кассій и Титиній.

Кассій.

Гляди, Титиній! трусы убѣгаютъ...
Я сдѣлался врагомъ своихъ солдатъ:
То знамя, что теперь держу въ рукахъ,
У труса вырвалъ я, его убивъ!

Титиній.

О Кассій! слишкомъ Брутъ поторопился,
Преслѣдуя Октавія. Увлечшись
Успѣхомъ незначительнымъ, все войско
Онъ ринулъ на него; а насъ совсѣмъ
Антоній окружилъ.

(Входитъ Пиндаръ).

Пиндаръ.

Бѣги, бѣги!

Ужъ лагерь твой Антоній занимаетъ...
Бѣги, отважный Кассій!

Кассій.

Этотъ холмъ

Довольно отдаленъ. Гляди, Титиній,
Не тамъ ли пламя, гдѣ мои палатки?

Титиній.

Да, Кассій.

Кассій.

Если любишь ты меня,

На моего коня скорѣй садись
И шпорь его, пока онъ не примчится
Къ войскамъ, что тамъ стоятъ; потомъ, не медля,
Скачи сюда, чтобъ я узналъ навѣрно:
Друзья ли тамъ, друзья или враги?

Титиній.

Я возвращусь къ тебѣ быстрѣ мысли.

(Уходитъ).

Кассій.

Ты, Пиндаръ, взлѣзь на самый верхъ холма
(Я зрѣніе имѣлъ всегда плохое)

И, глазъ своихъ съ Титинья не спуская,
Передавай мнѣ все, что ты увидишь.

(Пиндаръ уходитъ).

Въ теченіе дня я первый разъ вздохнулъ!

Я чувствую, что время повернуло:
Гдѣ началъ, тамъ и кончу. Жизнь моя
Свой совершила кругъ. Какія вѣсти?
Пиндаръ.

О повелитель мой!
Кассій.
Что видишь ты?
Пиндаръ.

Со всѣхъ сторонъ Титиній окружень...
Къ нему несутся всадники; однако,
Все шпорить онъ коня. Еще немного -
Они его настигнутъ. Вотъ и онъ.

206

Сошелъ съ коня. Онъ взять. Отсюда слышны
Ихъ радостные крики.

Кассій.
Возвратись!
Довольно мнѣ и этого. О, трусь!
Ты дожилъ до того, что лучший другъ твой
Безпомощно передъ тобою гибнѣтъ...
(Пиндаръ возвращается).

Приблизься, Пиндаръ. Въ плѣнъ тебя я взялъ
У пареовъ. Жизнь твою я пощадилъ;
Но ты мнѣ поклялся все исполнять,
Что прикажу. Теперь сдержи обѣтъ -
И вновь свободнымъ будешь. Этотъ мечъ,
Что Цезаря сразилъ, вонзи мнѣ въ грудь...
Не возражай. Держась за рукоять,
Пронзи меня, когда лицо закрою...
Рази смѣлѣй. Ты отомщенъ, о, Цезарь!
И тѣмъ мечомъ, что умертвилъ тебя!
(Умираетъ.)

Пиндаръ.
Свобода вновь досталась мнѣ въ удѣлъ;
Но этою цѣною не желалъ я
Купить ее. Прости навѣки, Римъ!
Тебя ужъ Пиндаръ больше не увидитъ.
(Уходитъ.)

(Входятъ Титиній и Мессала).
Мессала.

Одинъ успѣхъ равняется другому...

Октавія разби́лъ отважный Брутъ,
Какъ легионы Кассія - Антоній!

Титиній.

Какъ будетъ радъ услышать это Кассій!

Мессала.

Гдѣ онъ стоялъ?

Титиній.

Отчаяньемъ томимъ,
Онъ съ этого холма слѣдилъ за битвой.
Съ нимъ оставался Пиндаръ, рабъ его.

Мессала.

Не онъ ли на землѣ лежитъ недвижно?

Титиній.

О, горе! такъ живые не лежать...

Мессала.

Взгляни, не онъ ли это?

Титиній.

Нѣтъ, Мессала,
То Кассій былъ; но Кассія ужъ нѣтъ.
Багряные лучи закатъ бросаетъ
Предъ тѣмъ, чтобы во мракъ потонуть.
И Кассія послѣдній день угасъ
Въ его крови. Исчезло солнце Рима!
Нашъ конченъ день; готовится гроза;
Опасности къ намъ близятся, а мы
Не въ силахъ съ ними справиться. Сомнѣнье
Въ успѣхѣхъ предпріятыя моего
Его стубило.

Мессала.

Горькая ошибка!
О заблужденъ! ты - дитя унынья!
Зачѣмъ воображенью человѣка
Ты представляешь то, чего и нѣтъ?
Твое зачатъе быстро. Но, увы!
Ты счастливо не можешь разродиться
И губишь мать, зачавшую тебя.

Титиній.

Гдѣ жъ Пиндаръ?

Мессала.

Поищи его, Титиній;
А эту вѣсть вонжу я въ уши Брута;
Могу сказать - вонжу, такъ какъ его
Она сразитъ больнѣй, чѣмъ острый ножъ
Или стрѣла, пропитанная ядомъ.

Титиній.

Ступай, Мессала, я же здѣсь останусь,
Чтобъ Пиндара искать. (*Уходитъ Мессала*).

О, храбрый Кассій!

Зачѣмъ меня послалъ ты? Развѣ я
Твоихъ друзей не встрѣтилъ, и они
Побѣднаго вѣнца мнѣ не вручили,
Чтобъ передать тебѣ? Ужели ты
Ихъ радостныхъ привѣтствій не слыхалъ?
Но ты, увы! все это дурно понялъ.
Твое чело украшу я вѣнцомъ,
Что Брутъ, твой вѣрный Брутъ, тебѣ прислалъ
Его приказъ я исполняю этимъ.
Спѣши сюда, о Брутъ! и ты увидишь,
Какъ друга я любилъ! Простите, боги,
Что я обычай римлянъ соблюдаю:
Его мечомъ я грудь свою пронзаю.
(Умираеть.)

*Трубы. Входятъ Мессала съ Брутомъ, молодой Катонъ,
Стратонъ, Волюмній и Люцилій.*

Брутъ.

Скажи, Мессала, гдѣ же трупъ его?

Мессала.

Вотъ – тамъ: надъ нимъ склоняется Титиній.

Брутъ.

Онъ вверхъ лицомъ лежитъ.

Катонъ.

И онъ сражень.

Брутъ.

О, Юлій Цезарь! ты еще могучъ:
Ты носишься надъ нами злобнымъ духомъ
И противъ насъ самихъ ты обращаешь
Оружье наше.

(Тихій шумъ битвы).

207

Катонъ.

Доблестный Титиній!

Предъ тѣмъ, какъ пасть, ты друга увѣнчалъ!

Брутъ.

Такихъ героевъ больше нѣтъ на свѣтѣ!

Прости, послѣдній римлянинъ, прости!
Не можетъ Римъ еще создать другого,
Подобнаго тебѣ. Увы, друзья!
Я не могу теперь его оплакать,
Какъ онъ того достоинъ; но потомъ
Для слезъ найдется время; да, найдется!
Вы въ Фассосъ отвезите трупъ его.
Мы въ лагерь его не похоронимъ,
Чтобъ духомъ не упасть. Идемъ, Люцилій.
А ты, Катонъ, назадъ - на поле битвы!
Войска ведите, Лабеонъ и Флавій!
Теперь лишь три часа. Впередъ, за мной!
Съ врагомъ до ночи вступимъ въ новый бой! (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть поля битвы. Шумъ сраженья.

Входятъ солдаты обѣихъ армій, сражаясь. Бругъ, молодой Катонъ, Люцилій и др.

Бругъ.

Сограждане! отваги не теряйте!

Катонъ.

Межъ нами трусовъ нѣтъ. Друзья, за мной:
Пусть знаютъ всѣ, кто я. Я - сынъ Катона,
Тирановъ врагъ и другъ своей отчизны.
Я - сынъ Катона, слышите!

(Бросается противъ непріятеля.)

Бругъ.

Я - Бругъ,

Я - Бругъ, отчизны другъ. Узнайте Брута!

(Удаляется, сражаясь; молодой Катонъ падаетъ).

Люцилій.

И ты погибъ, о, доблестный Катонъ!
Ты кончилъ такъ же славно, какъ Титиній,
И смертью доказалъ, что ты достоинъ
Великаго отца.

1-й солдатъ.

Умри иль сдайся!

Люцилій.

Сдаюсь, чтобъ умереть. *(Даетъ денегъ.)*

Прими, какъ даръ,

Всѣ деньги, что со мной; но умоляю,

Убей меня, прославься смертью Брута!

1-й солдатъ.

Мы плѣнника такого не убьемъ.

2-й солдатъ.

Къ Антонію бѣги, чтобъ сообщить,

Что въ плѣнъ попался Брутъ.

1-й солдатъ.

Сейчасъ отправлюсь...

Но вотъ онъ самъ.

(Входитъ Антоній.)

1-й солдатъ.

Мы Брута взяли въ плѣнъ.

Антоній.

Но гдѣ же Брутъ?

Люцилій.

Онъ невредимъ, Антоній!

Повѣрь, врагу не взять его живымъ.

Я знаю, что его избавятъ боги

Отъ этого позора. Если Брута

Найдете вы иль мертвымъ, иль живымъ,

Все будетъ передъ вами прежній Брутъ,

Что самъ себѣ всегда и всюду вѣренъ...

Антоній.

Любезные, не Брута взяли вы;

Но все жъ то важный плѣнникъ. Съ уваженьемъ

И дружбою къ нему вы относитесь:

Такихъ людей хотѣлъ бы я имѣть

Въ числѣ своихъ друзей, а не враговъ...

Развѣдайте, гдѣ Брутъ, убитъ ли онъ,

Иль еще живъ, и дайте знать о томъ

Въ Октавія палатку, гдѣ я буду. *(Уходитъ.)*

СЦЕНА V.

Другая часть поля сраженія.

Входятъ Брутъ, Дарданій, Клитъ, Стратонъ и Волюмній.

Брутъ.

Сюда, остатки жалкіе друзей!

У этихъ скалъ для отдыха присядемъ.

Клитъ.

Стратилій факелъ взялъ, но не вернулся.
Иль онъ въ плѣну, иль нѣтъ его въ живыхъ.

Брутъ.

Садись, о, Клитъ! убійство здѣсь въ ходу
И смерть царитъ кругомъ. Послушай, Клитъ!
(Шепчетъ ему.)

Клитъ.

Чтобъ это сдѣлалъ я, - о, ни за что!

Брутъ.

Такъ никому объ этомъ ни полслова...

Клитъ.

Скорѣй убью себя.

Брутъ.

Къ тебѣ, Дарданій,
Я съ просьбой обращаюсь. (Шепчетъ ему.)
Дарданій.
Мнѣ ль это сдѣлать?!

Клитъ.

Дарданій!

Дарданій.

Клитъ?

Клитъ.

Скажи, что Брутъ просилъ?

Дарданій.

Чтобъ я убилъ его. Какъ онъ глубоко
Задумался теперь.

Клитъ.

Онъ полонъ горя,
И слезы изъ очей его струятся...

Брутъ.

О, добрый мой Волюмній! я хочу
Съ тобой поговорить.

Волюмній.

Я слушаю.

Брутъ.

Духъ Цезаря ко мнѣ явился дважды
Во мракъ ночи; первый разъ близъ Сардъ
И прошлой ночью здѣсь. Я вѣрно знаю,
Что смертный часъ мой близокъ.

Волюмній.

Ты не правъ.

Брутъ.

О нѣтъ! не ошибаюсь я, Волюмній.

209

Ты видишь, какъ превратно все идетъ,
Мы къ краю бездны пригнаны врагами.
Не лучше-ль броситься въ нее самимъ,
Чѣмъ ожидать, когда спихнуть другіе.
Припомни, другъ, мы вмѣстѣ были въ школѣ...
Во имя нашей старой, тѣсной дружбы
Прошу тебя, ты поддержи мой мечъ,
Чтобъ на него я броситься бы могъ.

Волюмній.

Не можетъ другъ такой исполнить просьбы.

(Слышенъ шумъ битвы).

Клитъ.

Бѣгите, полководцы: ждать нельзя!

Брутъ.

Простите всѣ - и ты, и ты, Волюмній!
Стратонъ, ты спалъ все время, и съ тобой
Прощаюсь я. Сограждане, я счастливъ,
Что никогда на жизненномъ пути
Мнѣ не случилось встрѣтить человѣка,
Чтобъ мнѣ невѣренъ былъ. Я побѣжденъ;
Но этотъ день злосчастный принесетъ
Мнѣ больше славы, чѣмъ врагамъ моимъ
Ихъ жалкая побѣда. Съ вами разомъ
Прощаюсь я. Языкъ мой скоро кончитъ
Свое повѣствованіе о Брутѣ.
Ужъ ночь виситъ надъ вѣждами моими -
И кости, что работали такъ много,
Чтобъ встрѣтить этотъ часъ, покоя жаждутъ.

(Шумъ битвы; слышны извнѣ крики: бѣгите! бѣгите!).

Клитъ.

Скорѣй, скорѣй бѣгите!

Брутъ.

Я за вами.

(Уходятъ Клитъ, Дарданій и Волюмній).

Стратонъ, прошу тебя со мной остаться!
Ты человѣкъ хорошій - и въ тебѣ
Я искры благородства замѣчалъ.
Ты, отвѣрнувъ лицо, держи мой мечъ,
И на него съ размаха ринусь я.
Согласенъ ли мою исполнить просьбу?

Стратонъ.

Дай прежде руку мнѣ, затѣмъ прости!

Бругъ.

Прости, Стратонъ! О, Цезарь! Успокойся.

Тяжеле было мнѣ твой вѣкъ пресѣчь,

Чѣмъ въ самага себя вонзить свой мечъ!

(Бросается на мечъ и умираетъ.)

Шумъ битвы, трубятъ отступленіе. Входятъ Октавій,

Антоній, Мессала, Люцилій и войско.

Октавій.

Кто этотъ человекъ?

Мессала.

Служитель Брута,

Стратонъ. Гдѣ господинъ твой?

Стратонъ.

Онъ свободенъ,

Какъ ты, Мессала: онъ рабомъ не будетъ,

И побѣдитель можетъ только сжечь

Холодный трупъ усопшаго вождя.

Одинъ лишь Бругъ могъ Брута превозмочь -

И Бругъ одинъ своей прославленъ смертью.

Люцилій.

Его найти могли вы только мертвымъ!

Благодарю тебя, великій Бругъ,

Что ты слова Люцилья оправдалъ!

Октавій.

Къ себѣ я всѣхъ беру служившихъ Бруту.

Согласенъ ли ко мнѣ ты поступить?

Стратонъ.

Спроси на то согласіе Мессалы.

Октавій.

Мессала, уступи его.

Мессала.

Стратонъ,

Намъ расскажи, какъ Бругъ окончилъ жизнь.

Стратонъ.

Онъ ринулся на мечъ, что я держалъ.

Мессала.

Возьми его, Октавій! Онъ достоинъ

Тебѣ служить: отважному вождю

Онъ оказалъ послѣднюю услугу.

Антоній.

Бругъ лучшій былъ, достойнѣйшій изъ тѣхъ,

Что Цезаря убили. Всѣ они

Изъ зависти убійство совершили;
Лишь онъ одинъ изъ честныхъ побуждений -
Изъ ревности къ общественному благу.
Такъ жизнь его промчалась безупречно,
Такъ лучшія начала въ немъ слились,
Что міру возвѣститъ сама природа
Могла бы: «это - былъ человѣкъ!»

Октавій.

Торжественно его мы похоронимъ -
Достойно добродѣтелей его.
Внесите трупъ его въ мою палатку;
Пусть онъ лежитъ въ убранствѣ полководца!
Войскамъ усталымъ надо отдыхъ дать;
А мы пойдемъ трофеи раздѣлять... (*Уходятъ*).

П. Козловъ.

---

¹ Плутархъ. Жизнеописаніе Юл. Цезаря, гл. 28.

² Здѣсь у Шекспира игра въ созвучьи словъ: sole – подошва и soul – душа.